

Источник: Ричард II. Перевод М. Донского // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958. Т. 3. С. 409-514. + Аникст А. Послесловие к «Ричарду II» // Там же. С. 556-562. + Смирнов А. Примечания к тексту «Ричарда II» // Там же. С. 562-565.

409

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Ричард Второй.

Эдмунд Лэнгли, герцог Йоркский

Джон Гант, герцог Ланкастерский

Генри Болингброк, герцог Херифорд, сын герцога Ланкастерского.

Герцог Омерль, сын герцога Йоркского.

Томас Маубрей, герцог Норфолк.

Герцог Серри.

Граф Солсбери.

Граф Баркли.

Буши

Бегот

Грин

фавориты короля Ричарда.

Граф Нортемберленд.

Генри Перси, его сын.

Лорд Росс.

Лорд Уиллоби.

Лорд Фицуотер.

Епископ Карлейльский.

Аббат Уэстминстерский.

Лорд-маршал.

Сэр Пирс Экстон.

Сэр Стивен Скруп.

Капитан отряда уэльцев.

Королева, жена короля Ричарда.

Герцогиня Глостерская.

Герцогиня Йоркская.

Придворные дамы королевы.

Лорды, герольды, офицеры, солдаты, садовники, тюремщики, конюхи и другие служители.

Место действия – Англия и Уэльс.

АКТ I.

СЦЕНА 1.

Лондон. Зал в королевском дворце.

Входят КОРОЛЬ РИЧАРД со свитой; ДЖОН ГАНТ и другие лорды.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Мой добрый Гант, Ланкастер престарелый.
Привел ли, верный долгу и присяге,
Ты Херифорда, сына своего,
Чтоб громогласно повторил он, в чем
Виновен герцог Норфолк, Томас Маубрей, –
Мы в прошлый раз досуга не имели
Заняться сим.

ГАНТ

Да, государь, он здесь.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Еще скажи: известно ли тебе –
На герцога доносит он по злобе
Иль обличает тайную измену
Как преданный и добрый наш вассал?

ГАНТ

Насколько я могу судить, он знаменит
Что вам грозит опасность, государь;
Я в нем не видел затаенной злобы.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Позвать сюда обоих; пусть они,
И обвиняемый и обвинитель,
Лицом к лицу, нахмурясь друг на друга,
Откроют нам все помыслы свои.

Несколько придворных уходят.

Они горды, высокомерны в споре,
Как пламя, пылки, глухи, словно море.

Возвращаются придворные с Болингброком и Норфолком.

БОЛИНГБРОК

Да будет счастлив много лет король,
Всемиловитейший мой повелитель.

НОРФОЛК

Пусть день за днем судьба вам счастье множит,
Пока, к земле ревнуя, небеса
Бессмертной славой вас не увенчают.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Обоих вас благодарю, хотя
Один из вас кривит душой, как ясно
Из дела, вас приведшего сюда:
В измене обвинили вы друг друга.
Поведай нам, кузен, в чем виноват
Пред нами герцог Норфолк, Томас Маубрей.

БОЛИНГБРОК

Начну с того, – и небо мне свидетель! –
Что преданности полный к государю,
Лишь в мыслях о его благополучье,
А не по злым и низким побуждениям
Пришел я обвинителем сюда.
Теперь скажу тебе я, Томас Маубрей,
И помни, за свои слова ответить
Не побоюсь я телом на земле
Или душой перед судом небесным.
Изменник ты бесчестный и злодей;
Для низости рожден высоко слишком,
Ты слитком низок, чтоб существовать.
Чем небосвод прозрачней и ясней.
Тем тучи кажутся на нем черней.
Изменник ты, – я повторяю снова,

413

Вобью тебе я в глотку это слово.
Пускай король позволит, и мечом
Я докажу, что не солгал ни в чем.

НОРФОЛК

Пусть рвенья моего не опорочит
Холодность слов. Но здесь не бабья свара:
Крикливой бранью бойких языков
Не разрешить меж нами эту тяжбу.
Вскипела кровь; ей надо охладиться,

И все-таки я не могу похвастать
Таким терпением, чтоб совсем смолчать.
Мешает мне почтение к государю
Словам дать волю и пришпорить их
Так, чтоб вернулись речи об измене
Удвоенными в глотку наглеца.
Не будь он принцем королевской крови,
Кузеном господину моему,
Я плюнул бы ему в глаза и вызвал
На бой, как труса и клеветника.
Чтобы лжеца изобличить, я дал бы
Ему все преимущества в бою;
Его бы я настиг, хотя бы гнаться
За ним пришлось по кручам снежных Альп
Иль по любым безлюдным самым землям
Из всех, куда ногой ступал британец.
Теперь же, честь свою оберегая,
Спасением души клянусь – он лжет.

БОЛИНГБРОК (*бросая перчатку*)

Ничтожный трус, – тебе бросаю вызов,
Отрекшись от высокого родства.
Не поминай о королевской крови,
Свой трепет выдавая за почтение.
И если страх еще оставил силы
В тебе, чтобы перчатку взять, – нагнись!
Залогом этим я клянусь и всеми
Обычаями рыцарства – я буду
Отстаивать в единоборстве честном
Ты – то, что я сказал, коль не скверней.

НОРФОЛК (*поднимая перчатку*)

Беру перчатку; и клянусь мечом,

414

Мне возложившим рыцарство на плечи,
Отвечу я на вызов твой достойно.
Пусть наш спор решится поединком,
И пусть живым я не сойду с коня,
Когда правдив донос твой на меня.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Но в чем, скажи, кузен, виновен Маубрей?
Поистине вина должна быть тяжелой,
Чтоб мысль дурную нам внушить о нем.

БОЛИНГБРОК

Я говорил, – и жизнью подтверждаю, –
Что получил он восемь тысяч ноблей
На жалованье, якобы, солдатам,
Но их на гнусные дела истратил,
Как вероломный лжец и негодяй.
Добавлю, – и отстаивать оружием
Согласен это здесь иль где угодно,
Хотя бы в самом дальнем из краев,
Куда британцы проникали взором,
Что всех измен, за восемнадцать лет
Задуманных в стране и совершенных,
Он вдохновитель тайный и глава.
Еще скажу, – и докажу я правду
Ценою жизни этого лжеца, –
Что подло им погублен герцог Глостер:
Трусливо подстрекнул он легковерных
Противников его, – и отлетела
Безвинная душа с потоком крови.
Но, даже из безмолвных недр земли
Та кровь, подобно Авелевой крови,
Взывает к справедливому отмщению;
И совершу я праведную месть
Или умру, – порукой в этом честь.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Как высоко взнеслась его решимость!
Что ты на это скажешь, Томас Норфолк?

НОРФОЛК

Да отвратит лицо мой государь,
Да повелит ушам своим оглохнуть,
Пока тому, кто кровь его позорит,
Я выскажу, как ненавистен людям
И господу такой бесстыдный лжец.

415

КОРОЛЬ РИЧАРД

Глаза и уши наши беспристрастны:
Он только отпрыск дяди моего,
Но, будь мне брат родной или наследник,
И то, – величием скипетра клянусь, –
Он близостью к священной нашей крови
Добиться бы не мог от нас пристрастия,

Поколебать не мог бы нашу твердость.
Он подданный наш, Маубрей, как и ты, –
Будь смел в речах, не бойся прямоты.

НОРФОЛК

Коль так, – знай, Болингброк:
ты, сердцем лживый,
Из лживой глотки изрыгаешь ложь.
Три четверти той суммы я в Кале,
Как надлежало, выплатил солдатам;
Остаток взял себе я по условию,
Поскольку должен был мой государь
Мне оплатить издержки на поездку
Во Францию за нашей королевой.
И этой клеветой ты подавись.
Теперь о смерти Глостера. Его
Я не убил; мой долг был сделать это,
Но я, стыжусь, не выполнил обета. –
На вашу жизнь, достойный лорд Ланкастер,
Отец почтенный моего врага,
И вправду я однажды покушался,
И этот грех мне душу тяготит;
Но в прошлый раз, когда я шел к причастью,
Я каялся, просил у вас прощенья
И, уповаю, получил его.
В том грешен я. А все другие вины
Измышлены предателем коварным,
Подлейшим выродком и злобным трусом.
Я это подтвердить готов в бою,
И встречную перчатку я швыряю
К ногам изменника и наглеца,
Чтоб лучшей кровью, заключенной в нем,
Всем доказать, что честный дворянин я.
Пусть на себя властитель примет труд
Назначить поскорее божий суд.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Вы, рыцари, пылающие гневом,
Послушайтесь совета моего:

Излейте желчь, но без кровопусканья.
Не лекарь мы, но в этом смыслим тоже:
Слепая злоба на недуг похожа.
Забудьте все и помиритесь вновь,

Ведь в этот месяц не пускают кровь. –
Ну, дядя, сложим силы воедино:
Я Норфолка уговорю, ты – сына.

Г А Н Т

Кто стар – тот миротворец, искони.
Мой сын, перчатку герцогу верни.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д (*Норфолку*)

Верни и ты.

Г А Н Т

Мой сын, повиновение!
Я приказал, – не жди же повторенья.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д (*Норфолку*)

Верни перчатку, повинуйся нам.

Н О Р Ф О Л К

Сам брошусь, государь, к твоим стопам.
Хоть жизнь отнять одним ты можешь взором,
Не властен ты покрыть меня позором.
Я жизнь тебе отдам, как долг велит,
Но честь моя лишь мне принадлежит.
Враг честь мою попра; он ей увечье
Нанес отравленным копьем злоречья.
Для этой раны есть один бальзам:
То – кровь клеветника.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

К моим ногам
Перчатку брось. Тебе приказ понятен?
Львы укрощают барсов.

Н О Р Ф О Л К

Да, но пятен
Не могут с барсов снять. Когда б ты мог
Снять стыд с меня, вернул бы я залог.
От века люди честью дорожили:
Ведь без нее мы стали б горстью пыли.
Сокровище на свете разве есть

Ценней, чем незапятнанная честь?
Нужнее жизни добрая мне слава:

Ее отдав, на жизнь утрачу право.
Так жил я, так умру. О мой король,
За честь мою сразиться мне позволь!

КОРОЛЬ РИЧАРД

Кузен, подай пример: верни перчатку.

БОЛИНГБРОК

О! Сохрани господь! Чтоб нашу схватку
Я отменил на радость наглецу?
Как мне тогда смотреть в глаза отцу?
И если бы нанес мне оскорбление
Мой же язык словами отречения, –
Я был бы беспощаден: в тот же миг
Свой подлый я бы откусил язык,
Чтоб выплюнуть за трусость, в знак укора,
Его в лицо врага – сосуд позора.

ГАНТ *уходит.*

КОРОЛЬ РИЧАРД

Нам подобает лишь повелевать,
Но не просить. Коль скоро мы не можем
Вас помирить, то назначаем встречу
Вам в Ковентри в день Ламберта святого.
Там спор, раздутый яростью речей,
Решится сталью копий и мечей.
Раз не миритесь, – тот пусть будет правым,
Чья доблесть победит в бою кровавом.
Лорд-маршал, шлите свой отряд туда
Готовить все для божьего суда.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Лондон. Покой во дворце герцога Ланкастерского.

Входят ГАНТ и ГЕРЦОГИНЯ ГЛОСТЕРСКАЯ.

ГАНТ

Увы! Мне голос крови говорит
Настойчивей, чем сетованья ваши,
Чтоб я убийцам Глостера отмстил.

Но если наказание – в руках

Того, кто сам причастен к злему делу
И кто не может быть наказан нами, –
Пусть небеса свершают правый суд;
Когда настанет срок, они обрушат
Возмездие на головы злодеев.

ГЕРЦОГИНЯ

Иль мысль о брате гнев твой не прищпорит?
Иль в старом сердце жар любви остыл?
Семь сыновей Эдварда, из которых
Один – ты сам, как семь сосудов были,
Наполненных его священной кровью,
Как семь ветвей единого ствола!
Рок осушил иные из сосудов;
Иные ветви парки отсеки.
Но Томас, милый мой супруг, мой Глостер!..
Он был сосудом с драгоценной кровью,
Цветущей ветвью гордого ствола!
Разбит сосуд кощунственной рукой,
И вытекла божественная влага;
Упала ветвь под топором убийцы,
И облетела пышная листва.
Ах, Гант! Одна утроба вас носила,
Из одного металла в ту же форму
Отлиты вы. И пусть еще ты жив,
Пусть дышишь ты, – но в нем и ты убит.
На смерть отца ты дал свое согласие,
Смотря на гибель брата безучастно:
Ведь Глостер был подобием отца.
Не называй терпением малодушьем!
Снеся безропотно убийство брата,
Покажешь ты свирепому убийце,
Что он легко покончит и с тобой.
Терпение к лицу простолюдинам,
У благородных это значит – трусость.
Что мне добавить? Лишь отметив за брата,
Ты жизнь свою сумеешь сохранить.

ГАНТ

Один судья здесь – бог; его наместник.
Помазанный божественным елеем,
Повинен в этой смерти. Пусть же небо
Само отмстит; а я поднять руки
На божьего избранника не смею.

ГЕРЦОГИНЯ

Но кто ж, увы, мои услышит стоны?

ГАНТ

Бог, покровитель и защитник вдов.

ГЕРЦОГИНЯ

Да, верно, так. Прощай! Увидишь скоро
Ты в Ковентри, как там на поединке
Сойдутся Херифорд и гнусный Маубрей.
О! Пусть несчастье мужа моего
С копьем кузена Херифорда вместе
Убийце Маубрею вонзится в грудь.
Но коль он в первой сшибке уцелеет,
То пусть под бременем его грехов
Сломается хребет его коня,
Чтоб, грянувшись о землю, трус презренный
Пред Херифордом дух свой испустил.
Прощай! Твой брат был прежде мне супругом,
Теперь мне горе стало вечным другом.

ГАНТ

Прощай! Мне ехать в Ковентри пора.
Бог да хранит обоих нас, сестра.

ГЕРЦОГИНЯ

Еще два слова... Скорбь, упав на землю,
Как грузный мяч, опять взлетает вверх, –
От тяжести, а не от пустоты;
Уже простясь, я снова начинаю,
Ведь нет у горя ни конца, ни края.
Поклон мой брату, Йорку, передай.
Вот, кажется, и все... Ах, нет, стой!
Еще мгновенье, Гант, побудь со мной.
Ты Йорку передай... Что? Вдруг забыла...
Да, – пусть меня он в Плэши навестит.
Увы! Предстанет взору жалкий вид:
Безлюдный дом и двор, нагие стены,
И что услышит он? Не гул приветствий,
Но плач вдовы, сраженной ливнем бедствий.
Нет, просто Йорку передай поклон,
Пускай ко мне не приезжает он:
Скорбь незачем искать – она повсюду.

Я там одна до смерти плакать буду.

Уходят.

420

СЦЕНА 3.

Равнина в окрестностях Ковентри.

Арена для поединка. На возвышении трон.

Входят ЛОРД-МАРШАЛ, ОМЕРЛЬ и герольды.

ЛОРД-МАРШАЛ

Милорд Омерль, готов ли Херифорд?

ОМЕРЛЬ

Готов и боя ждет во всеоружье.

ЛОРД-МАРШАЛ

Отважный герцог Норфолк здесь предстанет,
Едва услышит трубный зов врага.

ОМЕРЛЬ

Итак, мы тотчас можем бой начать,
Когда его величество прибудет.

Трубы. Входят КОРОЛЬ РИЧАРД, ГАНТ, БУШИ, БЕГОТ, ГРИН и другие.

Король садится на трон, остальные занимают свои места. Звучит труба, ей отвечает другая труба за сценой. Входит НОРФОЛК в полном вооружении; ему предшествует герольд.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Лорд маршал, спросите: кто сей рыцарь
И что пришел отстаивать оружием.
Пусть по обычаю нам клятву даст,
Что правое он защищает дело.

ЛОРД-МАРШАЛ

Пред богом и пред королем ответь!
Кто ты, зачем явился ты с оружием,
С кем хочешь биться ты и в чем ваш спор?
Скажи всю правду, как тебе велит
Честь рыцаря и ленная присяга, –
И небеса дадут тебе защиту!

НОРФОЛК

Зовусь я Томас Маубрей герцог Норфолк.
Сюда пришел я, верный данной клятве
(Ее нарушить не позволит бог),
Чтоб с герцогом сразиться Херифордом
За честь мою, за правоту мою
Пред богом и пред нашим государем.

421

И, с божьей помощью, своим оружием
Я докажу, что Херифорд повинен
В измене богу, королю и мне.
Пусть небо мне поможет в правом деле.

Звук трубы. Входит БОЛИНГБРОК в полном вооружении; ему предшествует герольд.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Лорд-маршал, вам спросить повелеваю –
Кто рыцарь сей, закованный в доспехи,
И для чего явился он сюда.
Пусть поклянется, как велит обычай,
Что правое он защищает дело.

ЛОРД-МАРШАЛ

Ответь: кто ты и почему стоишь
Пред государем на судебном поле?
С кем хочешь ты сразиться, в чем ваш спор?
Скажи всю правду, как достойный рыцарь,
И небеса пошлют тебе защиту!

БОЛИНГБРОК

Я Генрих герцог Херифорд Ланкастер;
Я здесь предстал с оружием, уповая
На божью милость и на мощь свою,
Готовый доказать, что герцог Норфолк
Повинен в мерзостной измене богу
И государю своему, и мне.
Пусть в правом деле мне поможет небо!

ЛОРД-МАРШАЛ

Под страхом смерти всем запрещено
Вступать на это поле дерзновенно
За исключением маршала и стражей,
Назначенных следить за поединком.

БОЛИНГБРОК

Лорд-маршал, я о милости прошу:
 Пусть мне позволят руку государя
 Поцеловать коленопреклоненно.
 Мы, я и Маубрей, – двое пилигримов.
 Идущих по обету в дальний путь;
 Должны мы совершить обряд прощанья,
 Родным и близким счастья пожелать.

ЛОРД-МАРШАЛ

Почтительнейше просит обвинитель
 О том, чтоб государь простился с ним
 И дал ему для поцелуя руку.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Мы сами спустимся ему навстречу
 И заключим его в свои объятия.
 Кузен, тебе желаем в битве сей
 Успеха в меру правоты твоей.
 В нас кровь одна; но коль твоя прольется, –
 Не мстить, а лишь скорбеть нам остается.

БОЛИНГБРОК

Пусть слез не льют о жребии моем,
 Коль Маубрей поразит меня копьем.
 По вражескому боевому кличу
 Я ринусь в бой, как сокол на добычу. –
 Прощаюсь с вами, добрый государь,
 И с вами, мой кузен, милорд Омерль.
 Хоть смерть грозит, – в лицо гляжу ей смело:
 Спокоен я – и дух мой бодр и тело.
 Как на пиру, где много разных блюд,
 Сладчайшее – последним подают,
 Так приберег в минуту расставанья
 Я для конца сладчайшее прощанье.

(Ганту.)

О ты, родитель! Мой земной творец!
 Во мне твоя отвага возродилась;
 Она меня поднимет высоко,
 Чтоб я схватил летящую победу.
 Молитвой укрепи мою броню,
 Благословеньем закали копье,
 Чтоб словно воск ему был вражий панцырь, –

И новым блеском имя Джона Ганта
Покроет подвиг сына твоего.

ГАНТ

Дай бог тебе успеха в правом деле.
Как молния, стремительно карай;
Пусть гром вдвойне удвоенных ударов
Ошеломит преступного врага!
Пусть закипит кровь юная твоя,
Будь пылок и отважен, бейся рьяно!

423

БОЛИНГБРОК

Святой Георг и правда – мне охрана!

(Садится на свое место.)

НОРФОЛК *(вставая)*

Какой бы жребий ни судил мне бог,
Но будет жить со мной, умрет со мной
Правдивый, честный и достойный рыцарь,
Который предан трону короля.
Так ни один не радовался пленник,
Когда, оковы сбросив наконец,
Он обнимал свободу золотую,
Как я ликую просветленным сердцем,
Встречая этот праздник – бой с врагом! –
Вам, государь, и вам, братья пэры,
Счастливых лет желаю. Полон веры
В свою победу, с ясною душой,
Как на забаву, я иду на бой.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Прощай, милорд! В твоих глазах – отвага;
Тому, кто сердцем чист, желаю блага.
Лорд-маршал, пусть начнется божий суд.

ЛОРД-МАРШАЛ

Ты, Генрих герцог Херифорд Ланкастер,
Прими копье! Бог за того, кто прав!

БОЛИНГБРОК

Как башня, я в надежде тверд. Аминь!

ЛОРД-МАРШАЛ *(одному из стражей)*

Копье пусть примет Томас герцог Норфолк.

ПЕРВЫЙ ГЕРОЛЬД

Здесь Генрих герцог Херифорд Ланкастер
Стоит во имя бога, государя
И самого себя как обвинитель.
Под страхом слыть вовек лжецом и трусом
Берется доказать он, что в измене
И богу, и монарху, и ему
Виновен Томас Маубрей герцог Норфолк
И вызов шлет он Норфолку на бой.

424

ВТОРОЙ ГЕРОЛЬД

Стоит здесь Томас Маубрей герцог Норфолк.
Под страхом слыть вовек лжецом и трусом
Готов он, защищаясь, доказать,
Что Генрих герцог Херифорд Ланкастер
В обмане злонамеренном виновен
Пред богом, пред монархом и пред ним.
Он ждет бесстрашно и нетерпеливо
И вступит в бой, лишь подан будет знак.

ЛОРД-МАРШАЛ

Трубите, трубы! И вперед, бойцы!

Звуки труб.

Постойте! Жезл свой бросил государь.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Пускай, сняв шлемы, копья отложив,
Бойцы вернутся на свои места!..

(Ганту и вельможам.)

За нами следуйте!

(Лорду-маршалу.)

Трубят пусть трубы,
Пока мы участь герцогов решаем.

КОРОЛЬ РИЧАРД и вельможи удаляются.

Продолжительные звуки труб. Возвращается КОРОЛЬ РИЧАРД с вельможами.

КОРОЛЬ РИЧАРД (обоим противникам)

Приблизьтесь и внемлите!
Вот что решили мы и наш совет.
Чтобы ни капли драгоценной крови,
Взлелеянной землей державы нашей,
На ту же землю вновь не пролилось;
Чтоб взоры наши здесь не оскорблялись
Ужасным зрелищем братоубийства
И чтоб орлинокрылая гордыня,
Тщеславные и дерзкие мечты,
Ревнивое соперничество ваше
Не нарушали мир, который спит
Блаженным сном невинного младенца,

425

Как в колыбели, в нашем государстве;
Чтоб мир, разбужен громом барабанов,
Воинственным и хриплым ревом труб,
Железным лязгом грозного оружия,
Не улетел испуганно от нас,
Оставив нас брести в крови по пояс,
Решили мы обоих вас изгнать.
Кузен наш Херифорд, под страхом смерти,
Пока мы десять жатв с полей не снимем,
Не смеешь ты ступать на земли наши,
Скитальцем будешь на чужих путях.

БОЛИНГБРОК

Да будет так. Лишь то смягчит мой жребий,
Что солнце здесь и там – одно на небе.
Его лучи, лаская край родной,
Сиять в изгнанье будут надо мной.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Твоя же участь, Норфолк, тяжелей.
Мы приговор выносим с неохотой:
Бег времени предела не положит
Бессрочной скорби твоего изгнания.
В моих словах услышишь безнадежность.
Под страхом смерти изгнан ты навек!

НОРФОЛК

О государь, суров и неожидан
Ваш приговор. Надеяться я мог
Из рук монарха получить награду
Ценней, чем мне назначенная участь, –

Отверженным бродягой стать навек.
Ужель я в детстве речь учил родную
Затем, чтоб в сорок лет ее забыть?
К чему же мне тогда язык во рту?
Нет пользы в нем, как в арфе, струн лишенной,
Как в редкостном и дивном инструменте,
Когда он под ключом иль дан невежде,
Который не умеет им владеть.
Вы заперли во рту язык мой бедный
Решеткою двойной зубов и губ;
В тюремщики ему – непониманье
Тупое, равнодушное вы дали.
Я стар, чтоб вновь учить слова от няньки,

426

По возрасту не годен в школяры.
Речь предков у скитальца отнимая,
Твой приговор жесток: в нем – смерть немая.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Сочувствием нельзя помочь тебе.
Наш суд свершен. Покорен будь судьбе.

НОРФОЛК

Прощай, отчизны яркое сиянье,
Я ухожу в зловещий мрак изгнания.

(Хочет уйти.)

КОРОЛЬ РИЧАРД

Остановись! Возьми с собою клятву.

(Болингброку и Норфолку.)

На меч монарший положите руки
И поклянитесь долгом перед богом
(Раз мы отринули ваш долг пред нами)
Запрета нашего не преступать:
Вы никогда не будете в изгнанье
(И да помогут в том вам бог и правда)
Искать любви и дружбы обоюдной,
Не будете писать друг другу с целью,
Чтоб вихрь вражды, рожденной здесь, утих;
Не станете искать друг с другом встречи,
Чтоб, в заговор вступив или стакнувшись,
Противу нас или державы нашей,

Иль наших подданных злоумышлять.

БОЛИНГБРОК

Клянусь.

НОРФОЛК

Клянусь не нарушать запрета.

БОЛИНГБРОК

Мы расстаемся, Норфолк, как враги.
Когда бы нам король позволил, – ныне
Блуждала бы одна из наших душ,
Из брэнной плоти изгнанная в вечность,
Как изгнана теперь отсюда плоть.
Покайся же в измене, уходя:
Далек твой путь, так не бери с собой
Тяжелый груз – души преступной бремя.

427

НОРФОЛК

Нет, Болингброк! Пусть, если я изменник,
Из книги жизни вычеркнут меня,
Пусть бог меня отринет, как король!
Но что такое ты, – то знают трое:
Бог, ты и я. Боюсь, король узнает
Об этом тоже, – на беду свою. –
Прощай, мой государь! Передо мной
Открыт весь мир, закрыт лишь край родной!

(Уходит.)

КОРОЛЬ РИЧАРД

Через кристалл твоих очей мы, дядя,
Зрим сердце сокрушенное твое.
Твою печаль уважив, сократим
Мы срок изгнания на четыре года.

(Болингброку.)

Шесть хладных зим пройдет, – и в отчий дом
Ты вступишь; милость мы тебе вернем.

БОЛИНГБРОК

Какой огромный срок – в едином слове!
Четыре смены долгих зим и лет! –
Но рек король, и вот – их больше нет.

Г А Н Т

Я повелителя благодарю:
Заботясь обо мне, изгнание сына
Он на четыре года сократил.
Но от того, увы, мне мало пользы:
Покамест, месяцем сменяя месяц,
Шесть лет, ему назначенных, пройдут, –
Иссякнет масло в старой сей лампаде;
Ее фитиль день ото дня короче,
Угаснет он во мраке вечной ночи.
Не встретить вновь мне сына своего,
Слепая смерть не даст узреть его.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Тебе умножит годы провиденье.

Г А Н Т

Но ты не властен дать мне и мгновенья!
Ты в силах годы жизни сократить,

428

Но лишний день не в силах подарить.
Морщин, что время на челе проложит,
Могущество твое стереть не сможет.
Мне смерть готовят время и твой суд,
Но жизнь твои указы не вернут.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Твой сын к изгнанию присужден советом,
Язык не твой ли произнес решение?
Зачем же мрачных помыслов мятеж?

Г А Н Т

Порой, что сваришь сам, того не съешь.
Судьей велел мне быть мой повелитель,
И я хотел забыть, что я – родитель.
Когда б он был не сыном, а чужим, –
Я мягче, верно, поступил бы с ним.
В своем суде я избегал пристрастия
И сам обрушил на себя несчастья.
Я ждал, что кто-нибудь мне скажет: «Нет!
Ты слишком строг!» – Увы, молчал совет.
О, мой язык! Виновен он невольно
В том, что душе так тягостно и больно.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Прощай, кузен! И да свершится суд:
Вернешься ты, когда шесть лет пройдут.

Трубы. КОРОЛЬ РИЧАРД и свита уходят.

ОМЕРЛЬ

Прощай, кузен! Из своего изгнания
Нам напиши. Мы будем ждать посланья.

(Уходит.)

ЛОРД-МАРШАЛ

Милорд, бок о бок с вами я помчусь
До рубежа земли и там прощусь.

ГАНТ

О! Почему ты на слова скупись,
Не отвечая на привет друзей?

429

БОЛИНГБРОК

Увы, я знаю слишком мало слов,
Их слишком мало для прощанья с вами,
А между тем язык быть должен щедрым,
Чтоб о душевной муке рассказать.

ГАНТ

Твоя печаль – разлука лишь на время.

БОЛИНГБРОК

Разлука с радостью – печали время.

ГАНТ

Всего шесть лет? Ах, годы мчатся быстро.

БОЛИНГБРОК

Да, в счастье. В скорби – час идет за десять.

ГАНТ

Считай, что странствуешь для развлечения.

БОЛИНГБРОК

Такой обман заставит сжаться сердце:
В изгнание горьком развлечений нет.

ГАНТ

Да будет мрачный путь твоих скитаний
Свинцовой фольгой, на которой ярче
Сверкает драгоценность возвращения.

БОЛИНГБРОК

Увы, боюсь, - припоминать я буду
При каждом шаге, как ушел далеко
От всех сокровищ, сердцу дорогих.
О, неужели ремесло бродяги,
Как ученик, я должен постигать,
Чтоб, наконец свободу обрета,
Одним и мог бы только похвалиться:
Что я ходил поденщиками у скорби.

Г А Н Т

Кто мудр, тот для себя отыщет пристань
Везде, где взор небес над ним сияет.

430

Учи так рассуждать свою нужду.
Нужда благоразумней всех достоинств.
Считай, что не король тебя отринул,
А ты его. Печаль гнетет сильнее
Того, кто ей покорно поддается.
Считай, что ты не изгнан королем,
Но мною послан для деяний славных.
Предположи, что зачумлен здесь воздух
И ты бежишь в иной, здоровый край.
Представь, что все, чем дорожит душа,
Не там оставил ты, где жил доселе,
Но встретишь там, куда направишь путь.
Вообрази, что птицы – музыканты,
Что луг – усыпанный травой зал,
Что васильки – толпа красавиц юных,
А странствие твоё – веселый танец.
Того, кто насмехается над горем,
Кому лишь бодрость светлая близка, –
Не станет грызть строптивая тоска.

БОЛИНГБРОК

О! Разве, думая о льдах Кавказа,
Ты можешь руку положить в огонь?
И разве утолишь ты жгучий голод,
Воображая пиршественный стол?
И разве голым ляжешь в снег январский,

Себе представив летнюю жару?
Нет! Если вспоминаешь о хорошем,
Еще острее чувствуешь плохое!
Тоска так больно потому грызет,
Что от ее укусов кровь нейдет.

Г А Н Т

Ступай, мой сын. Ты молод, чист душою.
Я б не грустил, когда б я был тобою.

Б О Л И Н Г Б Р О К

Прощай, родная Англия! Прощай!
Еще меня на ласковых руках,
Как мать и как кормилица, ты держишь.
Где б ни скитался я, – душа горда:
Я – англичанин, всюду и всегда!

Уходят.

431

СЦЕНА 4.

Там же. Зал в королевском замке.

Входят КОРОЛЬ РИЧАРД, БЕГОТ и ГРИН *в одну дверь, ОМЕРЛЬ – в другую.*

КОРОЛЬ РИЧАРД (*Беготу и Грину*)

Да, мы заметили...

(*Омерлю.*)

Кузен Омерль,
Так что же, – долго пробыли вы вместе
В пути с великим вашим Херифордом?

О М Е Р Л Ь

С великим, как назвали вы его,
Мой путь совместный был не так велик:
Расстались мы на первом перекрестке.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Что ж, был обилен ток прощальных слез?

О М Е Р Л Ь

О, что касается меня, – ничуть.
Лишь резкий ветер, дувший нам навстречу,
Одну слезинку выдавил из глаза,

Прощанье тем неискреннее скрасив.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Что, расставаясь, молвил наш кузен?

ОМЕРЛЬ

Сказал мне: «До свиданья!»
А так как сердцу моему претило,
Чтоб мой язык те осквернил слова,
Я, сделав вид, что горем обессилен,
Слова в могиле скорби схоронил.
О! Если б «до свиданья» удлинило
Изгнанье краткое его на годы, –
Ему бы десять тысяч «досвиданий»
Я произнес, а так – ни одного!

КОРОЛЬ РИЧАРД

Он – наш кузен. Однако сомневаюсь,
Чтоб родич наш, изгнанья срок окончив,

432

Вернулся навестить своих друзей.
Мы сами, да и Буши, Бегот, Грин
Заметили, с каким смиреньем льстивым
Подлаживался он к простонародью,
Как в души к ним старался он пролезть,
Как он рабам отвечивал поклоны,
Мастеровым слал мастерски улыбки,
Стараясь показать, что он страдалец,
Что изгнана любовь народа с ним.
Он шляпу снял перед торговкой рыбой;
Два возчика сказали: «Добрый путь!» –
А он в ответ раскланялся учтиво:
«Спасибо вам, любезные друзья», –
Как если б нашей Англии наследник,
Надежда наших подданных он был.

ГРИН

Он далеко; так прочь и эти мысли.
Пора заняться мятежом ирландским.
Собрать вам нужно войско, государь,
Ведь промедленье наше – им на пользу,
А вашему величеству – в ущерб.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Мы сами поведем свои войска.
И так как нам казну поистожили
Большой наш двор и царственная щедрость,
Придется сдать в аренду королевство.
На снаряжение хватит этих денег.
А если подойдут они к концу, –
За нашей подписью листы мы вышлем,
Чтобы наместники мои вписали
Туда людей богатых имена,
Заставив их внести большие деньги,
Которые пойдут на наши нужды.
Итак, в Ирландию направим путь.

Входит Буши.

А, Буши, что случилось?

Буши

Джон Гант внезапно тяжело занемог.
И вас он умоляет, государь,
Чтоб вы его немедля навестили.

433

КОРОЛЬ РИЧАРД

А отнесен куда он?

Буши

В Или-Хауз.

КОРОЛЬ РИЧАРД

О боже, лекаря его наставь,
Как старца поскорей свести в могилу.
На содержимое его казны
Мы сможем содержать своих солдат.
Спешим к нему! Но, с помощью господней,
Надеюсь, слишком поздно мы придем!

Уходят.

434

АКТ II.

СЦЕНА 1.

Лондон. Покой в Или-Хаузе.

ГАНТ на ложе; вокруг него стоят ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ и другие.

ГАНТ

Успеет ли король прибыть сюда,
Чтоб я вложил последний вздох в советы
Для безрассудной юности его?

ЙОРК

Не тратьте драгоценною дыханья:
Внимать советам не захочет он.

ГАНТ

Не может быть! Предсмертные слова,
Гармонии торжественной подобно,
Должны к себе вниманье приковать.
Ведь тот, кто вынужден слова беречь,
Одну лишь истину влагает в речь.
Всю мудрость жизни, знания и опыт
Передает он людям в час конца,
И старца умирающего шепот
Стократ звучней, чем болтовня юнца.
Кончают песнь сладчайшим из созвучий,
Всех ярче в небе след звезды падучей.

435

Я жил, – к моим словам был Ричард глух,
К предсмертной речи он преклонит слух.

ЙОРК

О нет! В его ушах иные звуки:
Его правленью льстивые хвалы,
Любовные стишки, чей сладкий яд
С такой охотою впивает юность,
Да рассказы о модах итальянских, –
Ведь нынче мы Италии кичливой
Во всем, как обезьяны, подражаем
И тащимся у ней на поводу.
Чуть где-нибудь появится игрушка, –
Пускай дрянная, лишь бы поновей, –
Ему жужжат наперсники об этом.
Но мудрой речи не внимает тот,
В ком прихоть на рассудок восстает.
Он путь избрал, и тщетны увещанья,
Щадите же и силы и дыханье!

ГАНТ

Я, вдохновленный свыше, как пророк,
В мой смертный час его судьбу провижу.
Огонь его беспутств угаснет скоро:
Пожар ведь истощает сам себя.
Дождь мелкий каплет долго, ливень – краток;
Все время шпоря, утомишь коня;
Глотая быстро, можешь подавиться.
Тщеславие – обжора ненасытный,
И, снєдь пожрав, начнет себя глотать.
Подумать лишь, – что царственный сей остров,
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов война
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,
Который, словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;
Что Англия, священная земля,
Взрастившая великих венценосцев,
Могучий род британских королей,
Прославленных деяньями своими

436

Во имя рыцарства и христианства
Далеко за пределами страны, –
До родины упорных иудеев,
Где был господь спаситель погребен;
Что эта драгоценная земля,
Страна великих душ, жилище славы,
Теперь сдана, – мне в этом слове смерть, –
В аренду, словно жалкое поместье!
Та Англия, что скована была
Лишь торжествующей стихией моря
И берег чей всегда давал отпор
Завистливому натиску Нептуна, –
Она позором скована теперь,
Опутана бумажными цепями!
Та Англия, что побеждала всех,
Сама себя постыдно победила!
О, если бы исчез со мною вместе
И этот стыд, – я смерти был бы рад!

Входит КОРОЛЬ РИЧАРД, КОРОЛЕВА, ОМЕРЛЬ, БУШИ, ГРИН, БЕГОТ,
РОСС и УИЛЛОБИ.

ЙОРК

Вот и король. Помягче будьте с ним:
Коней горячих горячить не стоит.

КОРОЛЕВА

Как поживает благородный дядя?

КОРОЛЬ РИЧАРД

Ну? Как твоё здоровье, старый Гант?

ГАНТ

О, мне сейчас так впору это имя!
Я – старый Гант, летами изможден.
Во мне моя печаль постилась долго,
А каждый, кто постится, – изможден.
Я бодрствовал над спящею отчизной,
А каждый, кто постится, – изможден.
Отцов их дети счастьем насыщают,
Но на меня и здесь наложен пост;
Ты отнял счастье – стал я изможденным.
Болезнью для могилы изможден,
Я изможденный, как сама могила,
Во чреве чьем пустом – одни лишь кости.

437

КОРОЛЬ РИЧАРД

Не слишком ли искусно для больного
Смеешься ты над именем своим?

ГАНТ

Нет! Это горе над собой смеется.
Мой сын, наследник мой, тобою изгнан;
Втоптал, король, ты имя Ганта в грязь, –
И вот, я льщу тебе, над ним смеюсь.

КОРОЛЬ РИЧАРД

К чему лезть умирающих живущим?

ГАНТ

Нет, тем, кто умирает, льстят живые.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Ты при смерти и мне, сказал ты, льстишь?

Г А Н Т

Нет. Умираешь ты, хоть я и болен.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Но я здоров, а ты, я вижу, плох.

Г А Н Т

Клянусь творцом, я вижу, что ты плох.
Я вижу, как ты плох, и вот, – мне тяжко.
Сразил недуг честь, славу короля,
И наша родина – их смертный одр.
А ты, больной помазанник, вручаешь
Свою судьбу беспечно тем врачам,
Которые тебя ж и отравили.
Кишат льстецы в зубцах твоей короны;
Она мала, как голова твоя,
И все же, хоть и невелик сей обруч,
Сдавил ты им великую страну.
О, если бы твой дед умел провидеть,
Как внук начнет губить его сынов, –
Тебя спасти он мог бы от позора,
Не допустив к наследованию трона,
Который ты позором осквернил.
Племянник, если б ты владел всем миром, –
В аренду сдать сей остров было б стыдно.

438

Но этот остров – все, чем ты владеешь,
И оттого твой стыд еще стыдней.
Помещик ты, в наем сдающий ферму,
А не король. Твой сан, законов крепость,
Отныне в рабстве крепостном. А ты...

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

А ты – ты выжил из ума, глупец!
Своей горячкой злоупотребляя.
Ты ледяным потоком поучений
Принудил кровь от наших щек отхлынуть.
Заставил нас от гнева побледнеть.
Клянусь величьем нашего престола:
Не будь ты сын великого Эдварда, –
Вся голова твоя, платя за то,
Что в ней язык летает слишком бойко,

Слетела бы сейчас с упрямых плеч.

Г А Н Т

О, не щади меня за то, что я
И твой отец, Эдвард, – сыны Эдварда.
Родную кровь ты проливал и раньше,
Питаясь ею, словно пеликан.
Мой старший брат, высокий духом Глостер
(Он в небесах, среди блаженных душ) –
Тому пример, тому свидетель верный,
Что ты умеешь кровь Эдварда лить.
Итак, вступи в союз с моим недугом, –
Твоя жестокость, словно серп кривой,
Подрежет тотчас перезрелый колос.
Живи с позором. Вечен твой позор!
В моих словах – твой тяжкий приговор.
Пора мне лечь, – мне скоро спать в могиле.
Да будут живы те, кто с честью жили.

(Уходит, поддерживаемый слугами.)

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

И да погибнут те, кто с дурью жили!
Безумцам старым место лишь в могиле.

Й О Р К

О государь! Я вас молю считать,
Что эти речи внушены больному
Ворчливой старостью, недугом злым.
Он любит вас, – я в это верю твердо, –
Как собственного сына, Херифорда.

439

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Нет, любит он меня, как Херифорд,
А я их так же. Вот и все, милорд.

Входит НОРТЕМБЕРЛЕНД.

Н О Р Т Е М Б Е Р Л Е Н Д

Я к вашему величеству явился
От герцога Ланкастера с поклоном.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Что он сказал?

НОРТЕМБЕРЛЕНД

О, ничего. Ни слова.
Бесструнной арфой стал его язык.
И речь и жизнь – утратил все старик.

ЙОРК

Пусть Йорк последует за Гантом вскоре!
Хоть смерть горька, но с ней уйдет и горе.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Он на землю упал, как спелый плод.
Ему лежать, а нам – идти вперед.
Достаточно о сем. Теперь обсудим,
Как нам войну с ирландцами вести.
Должны мы раздавить косматых кернов,
Которые гнездятся, словно змеи,
На острове, где гадов нет других.
А так как столь большое начинанье
Потребует немалых и расходов,
То мы решаем отобрать в казну
Поместья, деньги, движимость и утварь,
Которыми владел наш дядя Гант.

ЙОРК

Доколь, доколь велит долг послушанья
Сносить несправедливые деянья?
Смерть Глостера, изгнание Херифорда,
Расстройство брачных планов Болингброка,
Всея Англии чинимые обиды,
Ланкастера опалу и свою
Терпел я с ненахмуренным челом,
Не мысля зла на своего монарха.
Я – младший сын великого Эдварда,

Был старшим принц Уэльский, твой отец;
Он на войне был яростнее льва,
В дни мира был он кроток, словно агнец, –
Таков был этот рыцарственный принц.
Лицом ты весь в него. Он был таким же,
Когда он счетом дней с тобой равнялся.
Что добывал в бою, то он и тратил,
Не расточал отцовского добра.
Кровь недругов он проливал нередко,

Но братской кровью рук не запятнал.
О Ричард! Йорк скорбит, должно быть, тяжело,
Коль сравнивать он стал тебя с отцом.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Но что с тобою, дядя?

ЙОРК

Государь!
Простите дерзость, если вам угодно,
А не угодно, – обойдусь и так.
Хотите вы отнять и захватить
Наследство изгнанного Херифорда?
Иль Гант не мертв? Иль Херифорд не жив?
Иль Гант – не Гант? Иль сын ему не сын?
Иль Гант наследника иметь не вправе?
Иль прав наследственных у Гарри нет?
Что ж, отобрав права у Херифорда,
У времени их также отбери:
Пусть завтра не идет вслед за сегодня.
Сам от себя тогда ты отрекись:
Ведь свой престол ты получил в наследство.
Клянусь, что если, – сохрани господь, –
Решите вы отнять несправедливо
У Херифорда право на наследство
И грамоты, что стряпчим он предъявит
Для ввода во владенье, и присягу.
Которую он вам давал, – презрите,
То сотни бед к себе вы привлечете,
Лишиться сотен дружеских сердец;
Меня ж о том заставьте подумать,
О чем не может верность помышлять.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Что хочешь думай! Но без промедленья
Возьму себе я все его именье.

441

ЙОРК

Прощай, король! Грядущее темно,
Что сбудется, – нам ведать не дано.
Добавлю только, уходя отсюда:
Добром не кончишь, если начал худо.

(Уходит.)

КОРОЛЬ РИЧАРД

Ты, Буши, к графу Уилтширу спеши,
Пусть явится он тотчас в Или-Хауз,
Чтоб надзирать за домом. Мы же завтра
В Ирландию отправимся. Пора!
Пока мы в Англию не возвратимся,
Пусть правит государством дядя Йорк,
Он справедлив и нам всегда был предан.
Идемте же отсюда, королева.
Развеселитесь! Близок час разлуки, –
Нет времени для горести и скуки.

*Трубы. КОРОЛЬ РИЧАРД, КОРОЛЕВА, ОМЕРЬ, БУШИ, ГРИН и БЕГОТ
уходят.*

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Что ж, лорды, доблестный Ланкастер умер.

РОСС

И жив: ведь сын его теперь Ланкастер.

УИЛЛОБИ

Но лишь по титулу, не по владеньям.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

То и другое получил бы он,
Не будь у нас бесправной справедливость.

РОСС

Хоть многое на сердце накопело, –
Пускай оно в молчанье разобьется,
Но я не дам свободы языку.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Нет, говори! И тот пусть онемееет,
Кто станет разглашать твои слова.

УИЛЛОБИ

Быть может, речь пойдет о Херифорде?

442

Ну, если так, то начинай смелей:
Я слышать рад все, что ему на пользу.

РОСС

Смогу ли пользу я ему принести?
Вот разве лишь полезным вы сочтете,
Что я сочувствую его несчастьям,
Тому, что он наследством обделен.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Воистину позорные обиды
Чинятся принцу королевской крови
И многим в этой гибнущей стране.
Король наш – не король. Им управляют
Презренные льстецы. И лишь по злобе
Они ему о ком-нибудь шепнут, –
И у того король отнимет тотчас
И жизнь, и достоянье, и детей.

РОСС

Он подати умножил непомерно, –
И отшатнулся от него народ;
Он пеню ввел за родовые распри, –
И отшатнулось от него дворянство.

УИЛЛОБИ

Все новые поборы, что ни день:
Пожертвованья разные и бланки...
О боже, до чего мы так дойдем!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Не войнами он разорил страну,
Он войн не вел. В бесславных договорах
Все отдал, что в боях стяжали предки.
Нам мир его накладней, чем их войны.

РОСС

Граф Уилтшир взял в аренду королевство!

УИЛЛОБИ

Король – несостоятельный должник!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Над ним нависли и позор и гибель.

443

РОСС

Нет денег на ирландскую войну,
Хоть непосильно тяжелы налоги. –

Так он решил изгнанника ограбить!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Кузена своего! Король безродный! –
Но, лорды, мы внимаем свисту бури,
Укрытья же не ищем от нее;
Глядим, как вихрь рвет наши паруса,
И смерти ждем, сложивши руки праздно.

РОСС

Грозит беда. Но, лорды, слишком долго
Мирились мы с причинами ее,
И потому беды не избежать.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Нет, ты неправ. В пустых глазницах смерти
Я различаю жизнь. Но я не смею
Вам сообщить спасительную весть.

УИЛЛОБИ

Будь откровенен с нами, как и мы.

РОСС

Нортемберленд, все молви без утайки.
Мы трое – как один, и эти речи –
Лишь мысли наши. Говори смелей!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Итак, я нынче получил известье
Из Пор-ле-Блана, гавани в Бретани,
О том, что герцог Генрих Херифорд,
Лорд Кобхем, брат его, который был
Архиепископом Кентерберийским,
Сэр Норбери, сэр Уотертон, сэр Куойнт,
Сэр Томас Эрнингем и сэр Джон Рамстоп
Отплыли от французских берегов;
И на восьми могучих кораблях
Они везут трехтысячное войско,
Которое им дал Бретонский герцог,
Солдат снабдивший всем необходимым.
Они хотят на севере пристать

И ожидают только одного:
Когда король в Ирландию отбудет.

Хотите сбросить рабское ярмо,
Дать родине расправить снова крылья,
Заложенную выкупить корону,
Стереть со скиптра золотого грязь
И возвратить величеству величье? –
Тогда со мной скачите в Ревенсперг.
А слаб ваш дух для подвига такого, –
Помчусь один, вы ж никому ни слова.

Р о с с

Седлать коней! Кто остается – трус!

У и л л о б и

Я с вами! Неразрывен наш союз!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Лондон. Покои в королевском дворце.

Входят КОРОЛЕВА, БУШИ и БЕГОТ.

Б у ш и

Грусть вашего величества безмерна,
А между тем, с супругом расставаясь,
Вы обещанье дали не грустить,
Веселость сохранять и бодрость духа.

К О Р О Л Е В А

Для короля я это обещала,
Но для себя исполнить не могу.
Тоска, зачем ты у меня в гостях?
Затем, что Ричард, милый гость, уехал?
Нет, чувствует сердце, что большое горе
Судьба во чреве носит для меня.
Я трепещу, чего-то ожидая,
И это что-то горше и страшней
Разлуки с королем, моим супругом.

Б у ш и

У каждой существующей печали –
Сто отражений. Каждое из них
Не есть печаль, лишь сходно с ней по виду.

Ведь в отуманенном слезами взоре

Дробится вещь на множество частей.
Картины есть такие: если взглянешь
На них вблизи, то видишь только пятна,
А если отойдешь и взглянешь сбоку, –
Тогда видны фигуры. Так и вы
Взглянули сбоку на отъезд супруга,
И призрак торя вам явился вдруг;
Вглядитесь пристальней, – оно исчезнет.
Нет, госпожа, поверьте, оттого лишь
И слезы ваших глаз, и сердца боль,
Что нас покинул ваш супруг, король;
Все прочее – одно воображение:
Вам просто ваша скорбь туманит зренье.

КОРОЛЕВА

Пусть так. И все же больно сжалось сердце,
Предчувствуя недоброе. Так тяжело,
Так тяжело и тоскливо на душе!
Предчувствие мое – ничто? Быть может.
Но страшное ничто гнетет и гложет.

БУШИ

То призрачные страхи, госпожа.

КОРОЛЕВА

Нет! Призрачные страхи – порожденье
Былого горя. У меня не так.
Мое ничто само рождает горе,
Как будто бы в моем ничто есть нечто
И буду им я скоро обладать.
Я знаю лишь, что ждет меня страданье.
Хотя не знаю для него названья.

Входит Грин.

ГРИН

О государыня, храни вас бог!
Привет вам, джентльмены! Я надеюсь, –
В Ирландию король наш не отплыл?

КОРОЛЕВА

Зачем же ты надеешься на это,
Не на обратное? Ведь он спешил,
На быстроту он возлагал надежду;
Зачем надеешься, что медлит он?

Грин

Затем, чтобы король, надежда наша,
Еще успел вернуть свои полки
И отнял все надежды у врага,
Уже вступившего на нашу землю:
Вернулся самовольно Болингброк
И высадился с войском в Ревенсперге.

Королева

Нет! Не попустит бог!

Грин

Но это так.
Есть новость хуже: лорд Нортемберленд
И Генри Перси, юный сын его,
А также лорды Уиллоби, Росс, Боменд
И много их влиятельных друзей
Бежали к Болингброку.

Буши

Почему же
Изменниками вы не объявили
Нортемберленда и всех тех, кто с ним?

Грин

Мы так и сделали. Тогда граф Вустер
Переломил свой сенешальский жезл
И с челядью своей перебежал
К мятежнику.

Королева

Ты, Грин, – моей печали повитуха,
А Болингброк – ее злосчастный плод.
Так вот каким уродом разрешилась
Моя душа. И задыхаюсь я,
Былую скорбь умножив новой скорбью.

Буши

Отчаиваться рано, госпожа.

Королева

Нет, не мешай отчаиваться мне
И враждовать с обманчивой надеждой.

Она мне лжет и отдаляет смерть;

447

Меня бы смерть избавила от горя,
А лживая надежда длит его.

Входит ЙОРК; он в панцире.

ГРИН

А вот и герцог Йорк.

КОРОЛЕВА

И в ожерелье
Войны его морщинистая шея.
Как взор его заботой омрачен! –
Скажите слово утешенья, дядя.

ЙОРК

Я, сделав так, душой бы покривил.
На небесах найдем мы утешенье,
А на земле – лишь скорби да заботы.
Супруг ваш ищет за морем победу,
Но как бы здесь беду он не нашел.
Оставлен я опорой быть державе,
Но, стар и слаб, в опоре сам нуждаюсь.
Идет вослед за пиршеством похмелье,
И пробил час, когда король узнает,
На что годны льстецы, его друзья.

Входит СЛУГА.

СЛУГА

Милорд, я опоздал: ваш сын уехал.

ЙОРК

Уехал?.. Вот как... Что ж, пусть едут все!..
Бежит дворянство, а народ молчит,
Как будто безучастен, но боюсь,
Восстанет и примкнет он к Херифорду.

(Слуге.)

К сестре моей отправишься ты в Плэши,
Скажи, – прошу, мол, тысячу я фунтов.
На, вот мое кольцо!

СЛУГА

Милорд, простите, я вам не сказал:
Я побывал сегодня там проездом.
Боюсь, что вас известьем огорчу...

ЙОРК

Ну, что там? Говори!

СЛУГА

За полчаса до моего приезда
Скончалась герцогиня.

ЙОРК

Правый боже!..
Какой огромный океан несчастий
Вдруг затопил несчастную страну!
Что делать мне?.. О, если бы король, –
Хоть казни я не заслужил изменой, –
Велел меня, как брата, обезглавить!..
Отправлены ль в Ирландию гонцы?..
Откуда денег взять на эти войны?..
Пойдем, сестра... Простите, я ошибся. –
Племянница.

(Слуге.)

А ты ступай домой
И все оружие, что у нас найдется,
Доставь сюда немедленно на повозках.

СЛУГА уходит.

Милорды, не собрать ли ополчение?..
Как быть? В мои слабеющие руки
Вложили дел запутанных клубок, –
Не приложу ума, как их распутать.
Тот и другой – моя родня. Один –
Мой государь, кому я дал присягу,
Велит мне долг сражаться за него.
Но и другой – племянник мне. И с ним
Несправедливо поступил король;
Быть за него велят мне кровь и совесть.
Что ж мне избрать?.. Племянница, пойдемте.
Милорды, собирайте ополчение,
Я в замке Баркли буду вас встречать.
Мне надо было бы заехать в Плэши,

Да некогда. – Уж так оно сошлось,
Все в нашем государстве – вкривь и вкось!

ЙОРК и КОРОЛЕВА уходят.

449

Буши

Благоприятен ветер для известий
От нас – в Ирландию, но не оттуда.
А здесь нам не набрать такое войско,
Чтоб мы с врагом померяться могли.

Грин

И наша близость к королю приблизит
К нам злобу тех, кто от него далек.

Бегот

Изменчива и ненадежна чернь,
Ее любовь лежит у ней в мошне;
И кто ее кошель опустошает,
Тот злобой сердце наполняет ей.

Буши

За это короля и осуждают.

Бегот

И нас: ведь мы всех ближе к королю.

Грин

Пока в Бристольском замке я укроюсь;
Граф Уилтшир тоже выехал туда.

Буши

Я с вами. Ведь от этой злобной черни
Хорошего не жди. Им дай лишь волю, –
Как стая псов, нас в клочья разорвут.

(Беготу.)

И вы, надеюсь, с нами?

Бегот

Нет, к королю в Ирландию отправлюсь.
Предчувствий сердце горестных полно:
Нам свидеться, боюсь, не суждено.

Буши

Но, может статься, натиск Болингброка
Йорк отразит.

Грин

Он мог бы точно так же
Счесть все песчинки, выпить океан.

450

Его успех, к несчастью, невозможен:
Из ста солдат едва ль один – надежен.
Прощайте! Да хранит нас бот от бед.

Буши

Мы свидимся еще.

Бегот

Боюсь, что нет.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Пустынная местность в Глостершире.

Входят БОЛИНГБРОК и НОРТЕМБЕРЛЕНД с войсками.

БОЛИНГБРОК

До Баркли далеко еще, милорд?

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Мой благородный принц,
Здесь, в Глостершире, я, как чужестранец.
Унылые, пустынные холмы,
Крутые, каменистые дороги
Наводят грусть и мили удлиняют.
И лишь беседа с вами, словно сахар,
Мне услаждает этот скучный путь.
Я думаю, что Уиллоби и Россу
Безмерно утомительна дорога,
Ведущая из Ревенсперга в Котсолд;
А я счастливей: трудностей пути
Я в вашем обществе не замечаю.
И все ж им услаждает путь надежда
На то, чем обладаю нынче я.
Когда нет радости, тогда надежда
На будущую радость – тоже радость.
И потому тем двум усталым лордам

Надежда сокращает долгий путь,
Как мне – мой благородный собеседник.

204

БОЛИНГБРОК

О нет, ваш собеседник недостоин
Столь добрых слов. Но кто спешит сюда?

Входит ГЕНРИ ПЕРСИ.

451

НОРТЕМБЕРЛЕНД

А, это юный сын мой, Гарри Перси.
Его послал, должно быть, брат мой Вустер. –
Здоров ли дядя, Гарри?

ПЕРСИ

Ах, милорд,
Я сам хотел у вас спросить о том же.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Как? Разве он не там, где королева?

ПЕРСИ

Переломив свои сенешальский жезл,
Граф Вустер распустил дворцовых слуг
И сам оставил двор.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Из-за чего же?
Он не имел намерений таких.

ПЕРСИ

Из-за того, что объявили вас
Изменником, милорд. И в Ревенсперг
Он к герцогу уехал Херифорду –
Ему свои услуги предложить.
Меня ж послал он в Баркли разузнать,
Какое герцог Йорк собрал там войско,
И сведения доставить в Ревенсперг.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Ты герцога не помнишь Херифорда?

ПЕРСИ

Милорд, как помнить я могу того,
Кого ни разу в жизни я не видел?

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Тогда взгляни: перед тобою герцог.

ПЕРСИ

Милорд, я буду счастлив вам служить.
Я знаю, что неопытен и молод,
Однако время принесет мне зрелость
И я смогу вам пользу принести.

452

БОЛИНГБРОК

Благодарю тебя, мой славный Перси.
Лишь думая об искренних друзьях,
Я высшее испытываю счастье.
Созреешь ты с моей Фортуной вместе,
Твою любовь она вознаградит.
Сей договор я заключаю сердцем,
Взамен печати – вот моя рука.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Далеко ль Баркли? Как там старый Йорк?
Большое ли собрал он ополчение?

ПЕРСИ

Вон замок, сразу же за этой рощей.
Солдат, я слышал, там всего лишь триста,
Там герцог Йорк, лорд Баркли и лорд Сеймор,
Из знатных лордов больше никого.

Входят Росс и Уиллоби.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

А вот и лорды Уиллоби и Росс,
В крови их шпоры, жаром пыщут лица.

БОЛИНГБРОК

Милорды, вашу дружбу ценит тот,
Кто изгнан, кто изменником объявлен.
Из всех моих сокровищ мне осталась
Лишь благодарность, – вам ее дарю.
А если стану в будущем богаче,
Воздам за вашу службу и любовь.

РОСС

Вы сами, славный принц, богатство наше.

УИЛЛОБИ

Его еще должны мы заслужить.

БОЛИНГБРОК

Спасибо вам, – вот щедрость бедняка!
Когда моя Фортуна возмужает, –
И щедрость вырастет... А это кто?

Входит БАРКЛИ.

453

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Я узнаю как будто лорда Баркли.

БАРКЛИ

Я к вам с посланьем, герцог Херифорд.

БОЛИНГБРОК

Теперь, милорд, меня зовут Ланкастер,
И в Англии ищу я это имя.
На вашу речь отвечу я не прежде,
Чем титул сей произнесете вы.

БАРКЛИ

Милорд, меня превратно не поймите:
На титул ваш я посягать не стану.
Но как бы вы, милорд, ни назывались,
Я прислан к вам правителем страны.
Светлейший герцог Йорк велел спросить:
Вы, пользуясь отъездом государя,
Зачем нарушили его запрет?
Зачем ваш меч грозит отчизне мирной?

Входит ЙОРК со свитой.

БОЛИНГБРОК

Не нужно мне посредничество ваше:
Вот герцог сам.

(Преклоняет колено.)

Мой благородный дядя!

ЙОРК

Что мне твое смирение показное?
Не гни колен, согни свою гордыню.

БОЛИНГБРОК

Мой добрый дядя!..

ЙОРК

Слушать не хочу!
К тебе не добрый и тебе не дядя!
Не дядя я изменнику. А «добрый»
Звучит в устах недобрых, как насмешка.
Зачем стопой изгнанника, скажи,
Коснуться ты дерзнул английской почвы?

454

Как грудь отчизны ты посмел топтать
Грозя войною беззащитным селам,
Хвалясь братоубийственным мечом?
Явился ты, мальчишка неразумный,
Прослышав об отъезде короля?
Ошибся ты: он правит государством
И власть его – здесь, в этом верном сердце.
О, будь я так же молод и горяч,
Как в день, когда с отцом твоим отважным
Пробились мы сквозь тысячи французов
И выручен был нами Черный Принц,
Сей юный Марс, сей доблестный воитель, –
Тогда бы я своей рукой, вот этой,
Теперь, увы, параличом сведенной,
Тебя за преступление покарал!

БОЛИНГБРОК

Но в чем моя вина, светлейший дядя,
Какое совершил я преступление?

ЙОРК

Какое? Тяжелейшее из всех:
Ты в мятеже повинен и в измене.
Срок твоего изгнания не истек,
А ты посмел вернуться и оружие
Поднять на государя своего.

БОЛИНГБРОК

Я изгнан из страны, как Херифорд,
В нее я возвратился, как Ланкастер.

Взгляните, дядя, беспристрастным оком
Какие мне наносятся обиды!
Я вижу в вас отца: ведь старый Гант
Мне мнится, воплотился в вас. Отец!
Потерпите ли вы, чтоб я скитался
В чужих краях бродягою бездомным,
А все мои богатства и права
Отобраны у их владельца были
И отданы каким-то проходимцам?
Кто я такой? Раз мой кузен король,
То по тому же праву я – Ланкастер.
У вас есть сын, Омерль, мой славный родич.
Когда бы умерли вы, а не Гант,
И с ним бы обошлись несправедливо, –
Ему бы дядя заменил отца

455

И ополчился на его невзгоды.
Я все права имею на наследство,
Но грамот здесь моих не признают.
Распродано отцовское добро,
Оно пошло на низменные цели.
Что было делать мне? Я обратиться
Решил, как верноподданный, к закону,
Но стряпчие не приняли мой иск.
И мне не оставалось средств иных,
Как самому явиться за наследством.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Обижен тяжко благородный герцог.

РОСС

Вступитесь же за правду, ваша светлость.

УИЛЛОБИ

Его добром владеют подлецы.

ЙОРК

Позвольте мне ответить вам, милорды.
Я знаю, что племянник мой обижен,
И для него я сделал все, что мог.
Но вторгнуться с оружием, пробиваться
К своим правам несправедливым путем –
То значит быть мятежником. А вы,
Бунтовщика поддерживая, сами

Не менее виновны в мятеже.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Но благородный герцог дал нам клятву,
Что ищет только прав своих законных.
Ему помочь мы в этом поклялись,
И стыд тому, кто сей обет нарушит.

ЙОРК

Ну, ну, – добра не жду я от войны,
Однако же ей помешать не в силах.
Нет войска у меня; все врозь идет...
О, если бы я мог, – клянусь творцом, –
Я вас бы тотчас заключил под стражу
И головою выдал королю.
Но я бессилен; потому останусь
Покамест в стороне. Итак, прощайте.

456

А, может быть, со мною в этом замке
Вы проведете нынешнюю ночь?

БОЛИНГБРОК

Охотно, дядя, примем приглашение.
А вы участвовать не согласитесь
В походе нашем на бристольский замок?
Там, говорят, засели Буши, Бегот
И те, кто с ними заодно сосут
Все соки из народа. Я поклялся
Их вырвать прочь, как сорную траву.

ЙОРК

Посмотрим... Поразмыслю я сначала:
Мне нарушать законы не пристало.
Я вам не друг, но и не враг. Ну что ж, –
Что сделано, того уж не вернешь.

Уходят.

СЦЕНА 4.

Лагерь в Уэльсе.

Входят СОЛСБЕРИ и капитан отряда уэльсцев.

КАПИТАН

Милорд, мы здесь стоим уж десять дней,
Моим уэльцам это надоело,
Известий же от короля все нет.
Мы разойдемся по домам. Прощайте!

СОЛСБЕРИ

Повремени хоть день, уэлец верный,
Лишь на тебя надеется король.

КАПИТАН

Нет, мы уйдем. Король погиб, должно быть.
Засохли все лавровые деревья,
Грозь созвездьям, блещут метеоры,
А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены;
Богатые мрачны, а чернь ликует:
Одни за выгоды свои боятся,
Другие от войны себе ждут выгод.

457

А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.
Не удержать мне земляков своих,
Известно им: нет короля в живых.

(Уходит.)

СОЛСБЕРИ

О Ричард! Я гляжу с тяжелым сердцем,
Как на землю с небес звездой падучей
Твое величье катится стремглав.
Увы, покинула тебя удача!
Диск солнца твоего заходит, плача.
Везде – враги; друзья твои бегут.
О, время потрясений, время смут!

(Уходит.)

458

АКТ III.

СЦЕНА 1.

Лагерь Болингброка под стенами Бристоля.

Входят БОЛИНГБРОК, ЙОРК, НОРТЕМБЕРЛЕНД, ПЕРСИ, УИЛЛОБИ,
РОСС.

БОЛИНГБРОК

Пускай их приведут.

Входят БУШИ и ГРИН, под стражей.

Сейчас ваш дух проститься должен с плотью,
И перечнем всех ваших преступлений
Не стану я вам души отягчать:
Ведь это не было бы милосердно.
Но вашу кровь с себя хочу я смыть,
А потому пред всеми объявляю
Причины, по которым вы умрете.
Вы короля на путь дурной толкнули, –
Прекраснейший, светлейший государь
Обезображен вами и растлен.
Втянув его в свой мерзостный разврат,
Его вы от супруги оттолкнули,
Нарушили мир царственного ложа
И юной королевы красоту
Заставили от едких слез поблекнуть.
Я, кровный принц, был близок к государю

459

И по родству и по любви к нему,
Но вы меня пред ним оговорили,
И я, склонясь под бременем неправды,
Дышать был должен воздухом чужбины,
Был должен есть изгнания горький хлеб;
А вы меж тем моим добром кормились,
Срубили на дрова леса и парки,
Со стекол замка вытравить велели
И мой девиз и родовой мой герб,
Так, что и знаков моего дворянства
Нет у меня, – осталась только жизнь
Да память обо мне в людских сердцах.
Лишь перечисленным, – добавить мог бы
Я вдвое больше, чем уже сказал, –
Вы, Грин и Буши, заслужили смерть.

(Страже.)

Да предадут обоих смертной казни.

БУШИ

Прощайте, лорды! – Хоть страшна мне смерть,
Но Болингброк для Англии страшнее.

Грин

Я верю, небо примет наши души
И адом покарает беззаконье.

Болингброк

Милорд Нортемберленд, возьмите их.

Нортемберленд и другие уходят, увозя Буши и Грина.

Так королева, дядя, в вашем доме?
Пекитесь же о ней, молю вас богом.
Ей передайте низкий мой поклон,
Я вас прошу – об этом не забудьте.

Йорк

Я к ней гонца отправил и в письме
Подробно описал все ваши чувства.

Болингброк

Благодарю, любезный дядя. – Лорды,
Пора нам в путь с Глендауром сразиться
И с соумышленниками его.
Окончим труд и отдых свой заслужим

Уходят.

460

СЦЕНА 2.

Берег Уэльса. Вдали – замок.

Входят КОРОЛЬ РИЧАРД, ЕПИСКОП КАРЛЕЙЛЬСКИЙ, ОМЕРЛЬ *и*
солдаты.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Ведь это замок Барклофли как будто?

ОМЕРЛЬ

Да, государь. Не легче ль вам дышать
С тех пор, как вы ступили вновь на сушу?

КОРОЛЬ РИЧАРД

Дышать легко. И плачу я от счастья,
Что я в свое вернулся королевство. –

Приветствую тебя, моя земля,
Хоть ты и терпишь, чтоб тебя топтали
Бунтовщики копытами коней.
Как разлученная с ребенком мать
Встречается с ним вновь, смеясь сквозь слезы,
Так я, моя земля, смеюсь и плачу,
Тебя лаская царственной рукой.
Будь, добрая моя земля, сурова
С врагами государя своего:
Их алчности не дай своих плодов,
Нет, пауков, твой яд в себя впитавших,
Да мерзких жаб навстречу им пошли. –
Пускай они вредят стопам злодеев,
Преступно попирающим тебя.
Взрасти моим врагам одну крапиву;
Когда ж сорвут с груди твоей цветок, –
Пусть спрятанную в нем найдут змею,
И пусть ее раздвоенное жало
Убьет врагов монарха твоего. –
Не смейтесь над моим заклатьем, лорды:
Скорей моя земля мой зов услышит,
В солдат все эти камни превратив,
Чем задрожит перед мятежным войском
Ее природный властелин, король.

КАРЛЕЙЛЬ

У власти, подарившей вам корону,
Есть власть корону вашу сохранить.
Мужайтесь! Не отталкивайте средств,

461

Ниспосланных вам свыше: ведь иначе
Пренебрежете помощью небес.

ОМЕРЛЬ

А это значит, что мы слишком медлим,
Тогда как с каждым часом прибывает
У Болингброка денег и людей.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Не унывай, кузен! Иль ты не знаешь:
В часы, когда за горизонтом скрыто
Господне испытующее око,
Разбойники выходят на добычу,
Творя насилия, проливая кровь.

Но чуть, взойдя над рубежом земли,
Воспламенив вершины гордых сосен,
Оно метнет лучи в притоны зла, –
И уж разбой, измена и убийство,
С которых сорваны покровы тьмы,
Дрожат и наготы своей стыдятся.
Вот так и Болингброк, изменник, вор,
Который нагло рыскал здесь в ночи,
Пока скрывались мы за горизонтом,
Увидит, как восходим мы на трон,
И покраснеет от стыда измены,
Не в силах вынести сиянья солнца,
Дрожа при виде собственных грехов.
Не смыть всем водам яростного моря
Святой елей с монаршего чела.
И не страшны тому людские козни,
Кого господь наместником поставил.
За каждого из тех, кто поднял сталь,
Поддавшись наущеньям Болингброка,
Противу нашей золотой короны,
Бог Ричарду даст ангела с мечом.
За правду бьется ангельская рать,
Злодеям перед ней не устоять!

Входит СОЛСБЕРИ.

Привет, милорд! Далеко ль ваши силы?

СОЛСБЕРИ

Не дальше и не ближе, государь,
Чем эта слабая моя рука.
Моим устам отчаянье велело
О горести поведать. Государь,

462

Боюсь, день опоздания омрачил
Все радости грядущих наших дней.
Верни вчерашний день, – и ты с ним вместе
Двенадцать тысяч воинов вернешь.
А день сегодняшний, день злых несчастий,
Лишил тебя друзей, надежд и власти:
Решив, что пал ты мертвым там, вдали,
Уэльцы к Болингброку перешли.

ОМЕРЛЬ

Мужайтесь, государь! Вы побледнели!

КОРОЛЬ РИЧАРД

Кровь войска в двадцать тысяч человек
Румянила лицо мое. А ныне
Их нет, – и обескровлен я навек,
Пришел конец и мощи и гордыне.
Бегите ж прочь вы все, кто хочет жить:
И время отказалось мне служить.

ОМЕРЛЬ

Мужайтесь! Вспомните, кто вы таков.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Да, я забылся! Разве не король я?
Эй, сонное величество, проснись!
Иль имя короля не больше стоят,
Чем сорок тысяч прозвищ и имен?
О, имя королевское мое!
Вооружись! Ведь на твое величье
Восстал всего лить подданный ничтожный.
Любимцы короля, наш сан высок,
И вы держите голову высоко. –
У дяди Йорка есть еще войска.

Входит Скруп.

СКРУП

Желаю государю больше счастья,
Чем возвещу я скорбными устами.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Мой дух готов, мои открыты уши.
Ты скажешь мне лишь о земных утратах.

463

Что ж я утратил? Может быть, державу?
Тогда я с ней утратил и заботы.
Возвыситься стремится Болингброк?
Но выше нас он все равно не станет;
Он только раб господний, как и мы.
Бунтует наш народ? Что ж тут поделать, –
Он грешен и пред богом и пред нами.
Вещай же нам о бедствии любом:
Смерть хуже их, а мы ведь все умрем.

СКРУП

Я счастлив, что вы так вооружились,
Чтобы услышать горестную весть.
Как от внезапно налетевшей бури
Вздуваются серебряные реки
И водами всю затопляют землю,
Как будто растворился мир в слезах, –
Так ярость Болингброка захлестнула
Всю вашу уstraшенную державу
Потоком стали и стальных сердец.
Надвинув шлем на облысевший череп,
Восстали старики на вашу власть.
Мальчишки, говорить стараясь басом,
Напялили доспехи не по росту,
Чтобы идти войной на ваш престол;
Пономари и те хотят сражаться
И учатся, грозя короне вашей,
Гнуть лук из дважды гибельного тиса;
И даже пряжи ржавую секирой
Замахиваются на скипетр ваш.
И стар и млад бунтуют против вас,
И хуже истина, чем мой рассказ.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Ты слишком хорошо нам рассказал
О столь худых делах. Но где же Буши?
Что случилось с графом Уилтширом? Где Грин?
И как они позволили врагу
Без боя перейти границы наши?
Когда мы одолеем Болингброка,
Они за все ответят головой.
Ручаюсь, что они с ним помирились.

СКРУП

Воистину меж ними подлый мир.

464

КОРОЛЬ РИЧАРД

О, негодяи! Гнусные ехидны!
Собаки, лижущие руку вора!
Змей отогрел я на своей груди
И в сердце мне они вонзили жало!
Из трех Иуд тройной Иуда каждый!
Они с ним заключили мир? Так пусть
За то их душам ад войну объявит!

СКРУП

Любовь, своей природе вопреки,
Преобразилась в ненависть, я вижу.
Не надо проклинать их: не рукою,
Но головой скреплен был этот мир.
Возьмите же назад свое проклятье:
Ведь все они погибли смертью злой
И мирно спят теперь в земле сырой.

ОМЕРЛЬ

Так, значит, Уилтшир, Буши, Грин – погибли?

СКРУП

В Бристоле обезглавлены они.

ОМЕРЛЬ

А где же герцог, мой отец, с войсками?

КОРОЛЬ РИЧАРД

Не все ль равно? Молчите о надеждах, –
Поговорим о смерти, о червях.
Нам прах земной взамен бумаги будет,
В него слезами впишем нашу скорбь.
Нам надлежит составить завещанье,
Избрать душеприказчиков. Но что же,
Что вправе завещать мы? Плоть – земле?
Владеет враг всем нашим достояньем,
А нам принадлежит лишь наша смерть
Да эта жалкая щепотка глины,
Что служит оболочкою костям.
Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,

465

Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан, – всех убили.
Внутри венца, который окружает
Нам, государям, бренное чело,
Сидит на троне смерть, шутиха злая,
Глумясь над нами, над величьем нашим.
Она потешиться нам позволяет:
Сыграть роль короля, который всем
Внушает страх и убивает взглядом;

Она дает нам призрачную власть
И уверяет нас, что наша плоть –
Несокрушимая стена из меди.
Но лишь поверим ей, – она булавкой
Проткнет ту стену, – и прощай, король!
Накройте ваши головы: почтение
К бессильной этой плоти – лишь насмешка.
Забудьте долг, обычай, этикет:
Они вводили в заблуждение вас.
Ведь, как и вы, я насыщаюсь хлебом,
Желаю, стражду и друзей ищу,
Я подчинен своим страстям, – зачем же
Вы все меня зовете «государь»?

КАРЛЕЙЛЬ

Мудрец над грянувшей бедой не плачет,
Но преграждает путь для новых бед.
Страх только ослабляет вашу мощь,
А ваша слабость – это мощь врага.
Вам малодушие лишь ущерб приносит;
Трус обречен, у смелых есть надежда;
Отважный, если он и мертвым пал,
То славной смертью смерть саму поправ.

ОМЕРЛЬ

В войсках отца опора вашей власти:
Мы целое воссоздадим из части.

КОРОЛЬ РИЧАРД (Карлейлю)

Ты прав в своих укорах. – Близок срок,
С тобой сражусь я, гордый Болингброк!

466

Прошел мой страх, исчезли колебания;
Легко вернуть свое же достояние.

(Скрупу.)

Где дядя наш? Дай радостную весть
В твоем суровом взоре нам прочесть.

СКРУП

Взглянув на небо, люди говорят,
Дождливо будет нынче или ясно;
И если так безрадостен мой взгляд,
От уст моих ждать радости – напрасно.

Я длю мученья ваши, как палач,
И худшее оставил напоследок:
Ваш дядя Йорк в союзе с Болингброком,
Все крепости на севере сдались,
На юге же примкнуло к Болингброку
Все рыцарство.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Достаточно! Довольно!

(Омерлю.)

Будь проклят ты, кузен! Ты преградил
Мне сладкий путь к отчаянью. – Зачем?
Что ж смолкли вы? Где ваши утешенья?
Клянусь, возненавижу я навек
Того, кто утешать меня возьмется.
Поедем в замок Флинт, чтоб там скорей
Угас король, теперь – лишь раб скорбей
Солдат я не держу; пусть пашут, сеют
И пусть на их полях надежды зреют,
А у меня надежды больше нет. –
Уже ничей не нужен мне совет.
Ни слова! Принято мое решение.

ОМЕРЛЬ

Но, государь...

КОРОЛЬ РИЧАРД

Двойное оскорбление
Мне нанесет тот, кто посмеет льстить.
Всей свите на восток велю спешить:
Здесь Ричарда закат по воле рока,
А там восходит солнце Болингброка!

Уходят.

467

СЦЕНА 3.

Уэльс. Равнина перед замком Флинт.

*Входят с барабанным боем и со знаменами БОЛИНГБРОК, ЙОРК,
НОРТЕМБЕРЛЕНД, приближенные и войска.*

БОЛИНГБРОК

Доносят нам, что разбрелись уэльцы,

А Солсбери уехал к королю,
Который с небольшим числом друзей
На этом высадился побережье.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Отличные известия, милорд.
Так, значит, где-то здесь укрылся Ричард.

ЙОРК

Милорд, вам подобало бы сказать
«Король наш Ричард». О, прискорбный день,
Когда помазанник скрываться должен!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Я, ваша светлость, лишь для сокращения
Сей титул опустил.

ЙОРК

В былое время,
Чтоб голову вы впредь не задирали,
Он, вам платя за это сокращенье,
На голову бы вас укоротил.

БОЛИНГБРОК

Вы, дядя, переходите границы.

ЙОРК

Не ты ль, племянник, перешел границы?
Но берегись: над нами есть господь.

БОЛИНГБРОК

Я знаю, дядя, и господней роле
Я не противлюсь. – Кто идет сюда?

Входит ПЕРСИ.

А, Гарри! Что же, замок не сдается?

468

ПЕРСИ

Нет, замок укреплен по-королевски,
Чтоб вам противиться.

БОЛИНГБРОК

По-королевски?
Там разве есть король?

ПЕРСИ

О да, милорд,
Там есть король: король английский Ричард
В его стенах; с ним вместе лорд Омерль,
Лорд Солсбери, сэр Стивен Скруп, а также
Высокое духовное лицо,
Чье имя мне осталось неизвестным.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Я узнаю епископа Карлейля.

БОЛИНГБРОК

Милорд Нортемберленд!
Ступайте к остову твердыни древней,
И в уши дряхлые ее бойниц
Пусть проникнет медный голос труб,
Призыв к переговорам.
Скажите так: я, Генрих Болингброк,
Пред королем колени преклоняю,
Ему целую царственную руку
И признаю себя его вассалом;
Согласен я сложить и меч и власть
К его стопам лишь при одном условии:
Чтоб он мое изгнание отменил
И мне вернул законные владенья.
А если нет, – употреблю я силу,
И хлынет кровь сраженных англичан,
И пыль к земле прибьет тот бурный ливень.
Но как далек я в мыслях от того,
Чтоб напоить сей пурпурною влагой
Зеленое и сладостное лоно
Страны, где правит государь наш Ричард, –
Покорностью готов я доказать.
Скажите так. Мы ж развернем войска
На травяном ковре равнины этой.

НОРТЕМБЕРЛЕНД *направляется к замку.*

Да смолкнет грозный грохот барабанов,
Чтоб всем, кто там, – за ветхими зубцами, –
Была ясна благая наша цель. –
Предвижу я, что будет наша встреча,
Как встреча двух враждующих стихий,
Огня с водой, когда их столкновение,

Рождая гром, рвет в клочья небеса.
Пушай он – молния, тогда я – туча;
Ярится он, а я прольюсь дождем,
Не на него прольюсь, прольюсь на землю. –
Вперед! И взглянем королю в лицо.

Раздается звук трубы, приглашающей к переговорам, ей отвечает труба внутри замка. Трубы. На стены входят КОРОЛЬ РИЧАРД, ЕПИСКОП КАРЛЕЙЛЬСКИЙ, ОМЕРЛЬ, СКРУП и СОЛСБЕРИ.

ЙОРК

Смотрите, вот и сам король! Подобен
Он покрасневшему от гнева солнцу,
Когда оно выходит в небеса
Через врата востока огневые
И видит вдруг завистливые тучи,
Которые ему сиять мешают
И омрачают триумфальный путь.
Нет, все же он – король. И взор его –
Орлиный взор, исполненный величья.
Увы, как жаль, что небо обрекло
Злой скорби столь прекрасное чело.

КОРОЛЬ РИЧАРД (Нортемберленду)

Мы в изумленье. Долго ждали мы,
Что трепетные ты согнешь колени
Перед своим законным королем.
И если государь я, – как посмели
Твои колени должный страх забыть?
А если нет, то где десница божья,
Что от престола отрешила нас?
Ничья рука из плоти и из крови
Из наших рук не может вырвать скипетр,
А если кто отважится на это –
Тот святотатец, бунтовщик и вор.
Вы мните, что, сгубив изменой души,
Не только вы – все отреклись от нас,
Что мы бессильны, лишены друзей?

470

Но знайте, что господь мой всемогущий
С заоблачных высот на помощь нам
Пошлет всесокрушающее войско;
Оно сразит и вас и ваших чад,
Живых и тех, что в чреве материнском,

За то, что вы, вассалы, взбунтовались,
Моей короне вздумали грозить.
Не Болингброк ли там? Скажи ему,
Что каждым шагом по моей стране
Он совершает тяжкую измену.
Иль хочет он оставить за собой
Кровавый след войны междоусобной?
Не прежде, чем он наш венец себе
На голову наденет, – десять тысяч
Разрубленных голов обезобразят
Лик Англии, измяв ее цветы,
И белоснежный мир ее заменят
Багровым гневом, и ее луга
Обрызжут английской священной кровью,

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Да сохранит наш властелин небесный
Земного властелина, короля,
От ужасов войны междоусобной!
Кузен твой благородный, Болингброк,
Почтительно тебе целуя руку,
Клянется досточтимую гробницу,
Воздвигнутой над прахом ваших предков,
И королевской кровью, что течет
В обоих вас из единого истока,
И мужественной дланью Джона Ганта,
И собственным достоинством и честью,
И всем, чем может клясться дворянин,
Что он сюда пришел с одной лишь целью:
Вернуть свои наследные права
И короля коленопреклоненно
Просить, чтоб он изгнание отменил.
Коль это государь ему дарует, –
Блестящий меч он ржавчине отдаст,
И берберийского коня – конюшне,
А верное и преданное сердце –
Служенью государю своему.
Он поклялся, как принц, и это правда;
Как дворянин, я клятву подтверждаю.

471

КОРОЛЬ РИЧАРД

Нортемберленд, ответ наш передай:
Здесь будет наш кузен желанным гостем,

И все, о чем он справедливо просит,
Мы жалуем ему без возражений.
И передай в любезнейших словах
Привет от нас достойному кузену.

НОРТЕМБЕРЛЕНД *возвращается к Болингброку.*

(Омерлю.)

Уж не унизились ли мы, кузен,
Смирненным видом и учтивой речью?
Быть может, нам вернуть Нортемберленда,
С изменником не заключать условий,
Сразиться с ним и умереть в бою?

ОМЕРЛЬ

Нет, надо время выиграть речами,
А время нам пошлет друзей с мечами.

КОРОЛЬ РИЧАРД

О боже! Неужели мой язык,
Приговоривший гордеца к изгнанию,
Словами вкрадчивыми должен взять
Свой приговор назад? О, если б я
Мог быть великим, как мое несчастье,
Иль меньшим, чем велит высокий сан!
О, если б мне забыть, чем был я прежде,
Иль то, чем стал теперь, не вспоминать!
Ты бьешься, сердце? Или ты разбилось?
Мои враги разбили нас с тобой.

ОМЕРЛЬ

Нортемберленд опять идет сюда.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Что ж королю прикажут? Подчиняться?
Он подчинится. Иль его сместят?
И этим тоже будет он доволен.
Он должен титул потерять? Бог с ним!
Готов сменять я свой дворец на келью,
Каменья драгоценные – на четки,
Наряд великолепный – на лохмотья,
Резные кубки – на простую миску,

Мой скипетр – на посох пилигрима,

Весь мой народ – на грубое распятье,
И всю мою обширную страну –
На маленькую, тесную могилку,
На тесную убогую могилку.
А то пускай проезжая дорога
Мне будет кладбищем, чтоб мой народ
Вседневно попирает чело монарха:
Уж раз он мне живое сердце топчет, –
Пусть топчет погребенное чело! –
Ты плачешь, добрый мой кузен Омерль! –
Мы вызовем слезами непогоду,
От вздохов и от слез поляжет хлеб,
И на земле мятежной будет голод.
Иль, может быть, мы станем забавляться
Какой-нибудь игрою с нашим горем,
Веселою игрой? Вот, например:
Лить слезы на одно и то же место,
Пока не выдолбим себе могилы.
И пусть напишут на надгробном камне:
«Два родича лежат в могилах сих,
Могила вырыта слезами их».
Смешно! – Ну что ж, посмейтесь надо мною,
Над болтовней безумною, пустою. –
Сиятельнейший принц Нортемберленд,
Что повелел король наш Болингброк?
Его величество согласно ль ждать,
Пока умру я собственной смертью?
Коль вы кивнете, – я пойму тогда,
Что милостиво он ответил: «Да!»

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Благоволите, государь, спуститься:
Он хочет с вами говорить внизу.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Спуститься? Я спущусь, как Фээтон,
Не удержавший буйных жеребцов.

НОРТЕМБЕРЛЕНД *возвращается к Болингброку.*

Вниз! Вниз, король! – дорогой униженья,
Чтоб выказать изменникам смирение.
Вниз, солнце, – тьме отдай свои права!
Где жаворонок пел, – кричит сова!

Все уходят со стен замка.

БОЛИНГБРОК

Ну, что его величество ответил?

НОРТЕМБЕРЛЕНД

От горести он словно обезумел:
Бессвязна речь его. Но вот он сам.

Входят КОРОЛЬ РИЧАРД и его свита.

БОЛИНГБРОК

Все окажите должное почтение
Его величеству – и отойдите.

(Преклоняет колена.)

Мой добрый государь!

КОРОЛЬ РИЧАРД

Любезный мой кузен, не унижайтесь,
Чтоб низкая земля не возгордилась
Касаньем ваших царственных колен.
Я холодно взираю на учтивость,
Милей бы ваша дружба мне была.
Не гнитесь низко! Встаньте же с колен:
Ведь метите высоко вы, кузен.

БОЛИНГБРОК

Я, государь, лишь за своим явился.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Берите! Ваше все. Я тоже – ваш.

БОЛИНГБРОК

О повелитель! Вы настолько мой,
Насколько я своею верной службой
Достоин вашу заслужить любовь.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Достойны? Вы? Тот все иметь достоин,
Кто брать умеет дерзостью и силой. –
Дай руку, дядя. Слезы осуши:
Не исцелить слезами боль души. –
Хоть вам, кузен, в отцы я не гожусь, –
Знать, вы-то мне в наследники годитесь.
Я все отдам, чего б вы ни просили:

Не должно ли нам покоряться силе? –
Что ж – в Лондон? Дайте мне, кузен, ответ.

474

БОЛИНГБРОК

Да, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Могу ль сказать я «нет»?

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА 4.

Ленгли. Сад герцога Йоркского.

Входят КОРОЛЕВА и две придворные дамы.

КОРОЛЕВА

Какую бы придумать нам игру,
Чтобы рассеять горькие заботы?

ПЕРВАЯ ПРИДВОРНАЯ ДАМА

Сыграем, государыня, в шары.

КОРОЛЕВА

О нет, – шары напомнят мне о том,
Что на пути у нас стоят преграды
И что удары мне судьба готовит.

ПЕРВАЯ ПРИДВОРНАЯ ДАМА

Давайте танцевать.

КОРОЛЕВА

Могу ль со счета я не сбиться в танце,
Со счета сбившись в горестях моих?
Нет, нет, прошу тебя, не надо танцев.

ПЕРВАЯ ПРИДВОРНАЯ ДАМА

Тогда давайте что-нибудь расскажем.

КОРОЛЕВА

О чем же? О печали иль о счастье?

ПЕРВАЯ ПРИДВОРНАЯ ДАМА

О том и о другом.

КОРОЛЕВА

Нет, ни о чем!
Рассказ о счастье мне печаль умножит,

475

Напомнив то, чего лишилась я;
А повесть о печали увеличит
Несчастьем чужим мою печаль.
К чему твердить о том, что есть в избытке,
Жалеть о том, чего мы лишены?

ПЕРВАЯ ПРИДВОРНАЯ ДАМА

Тогда я вам спою.

КОРОЛЕВА

Коль сможешь – пой!
Но плач мне больше был бы по душе.

ПЕРВАЯ ПРИДВОРНАЯ ДАМА

Чтоб вам помочь, готова я заплакать.

КОРОЛЕВА

Когда б я горе выплакать умела,
Я петь могла б, слез не прося твоих.
Постойте! Вон садовники идут.
Я ставлю против сломанной булавки
Всю скорбь мою, что разговор меж ними
Пойдет о государственных делах.
В годину смут одни у всех тревоги;
Беда кричит, что горе на пороге.

КОРОЛЕВА и придворные дамы прячутся. Входят садовник и два работника.

САДОВНИК

Ты подвяжи на этих абрикосах
Большие ветки, что отягощают
Свой ствол, как блудные сыны – отца;
Поставить надо для ветвей подпорки. –
Тебе же надлежит, как палачу,
Отсечь чрезмерно длинные побеги,
Которые так вознеслись надменно:
Пусть в царстве нашем будут все равны. –
Я ж сорняки выпалывать начну,
Которые сосут из почвы соки
И заглушают добрые цветы.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИК

Зачем же нам внутри ограды этой,
На этом небольшом клочке земли

476

Поддерживать порядок, меру, стройность,
Когда наш огражденный морем сад,
Наш край родной зарос травой сорной,
Зачахли лучшие его цветы,
Плодовые деревья одичали,
Изъедены червями?

САДОВНИК

Помолчи!
Кто не навел в саду своем порядка,
Тот сам теперь увянуть обречен.
Он дал приют под царственной листвою
Прожорливым и вредным сорнякам,
Считая, что они – его опора;
Но вот их ныне вырвал Болингброк.
Те сорняки – граф Уилтшир, Грин и Буши.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИК

Они мертвы?

САДОВНИК

Мертвы. И Болингброком
Взят в плен сам расточительный король.
Как жаль, что не хранил он, не лелеял
Свою страну, как мы лелеем сад!
Чтоб не могли плодовые деревья
Погибнуть от переполнения соком,
Весной мы надрезаем их кору.
Когда б с вельможами так поступал он,
Росли б они на пользу государству,
А он вкушал бы верности плоды.
Мы обстригаем лишние побеги,
Чтоб дать простор ветвям плодоносящим.
Так поступая, он царил бы мирно,
Но нерадив и беззаботен он,
И должен потому отдать свой трон.

ПЕРВЫЙ РАБОТНИК

Так, стало быть, низложат короля?

САДОВНИК

Унижен он; а будет и низложен.
В письме, что нынче ночью получило
Одно лицо, с кем герцог Йоркский в дружбе, –
Дурные новости.

477

КОРОЛЕВА

Нет сил терпеть! Молчать я не могу!

(Выходит из за кустов.)

О ты, что наподобие Адама
Возделываешь райский этот сад!
Как повернулся грубый твой язык,
Чтоб разглашать дурные эти вести?
Какая Ева, змей какой толкнул
Тебя на новое грехопаденье?
Как смел ты молвить, что король низложен?
Как ты, что лишь немногим лучше грязи,
Посмел предречь паденье божества?
Ответь мне: как, откуда и когда
Узнал ты это? Говори, несчастный!

САДОВНИК

Простите, государыня, мне жалко
Вас огорчать, но мой рассказ правдив.
Наш государь во власти Болингброка.
Теперь их судьбы на весах Фортуны.
На чаше той, где ваш супруг, – он сам
Да несколько напыщенных ничтожеств,
Которые лишь уменьшают вес;
А на другой – всеильный Болингброк
И вместе с ним все английские пэры.
Так, верно, перевесит эта чаша.
Спешите в Лондон; вы поймете там
Все знают то, что здесь сказал я вам.

КОРОЛЕВА

Зачем, о быстроногое несчастье,
Ко мне твое известье запоздало?
Зачем я все последней узнаю?
Иль ты желаешь, чтобы я подольше
Печаль хранила в сердце у себя?

(Придворным дамам.)

Скорее в путь! Скорее в Лондон, где
Властитель Лондона теперь в беде. –
Ужель, судьба, велишь ты мне жестоко
Быть пленницей в триумфе Болингброка? –

478

Садовник, за такую злую весть
Дай бог твоим цветам вовек не цвести.

КОРОЛЕВА и придворные дамы уходят.

САДОВНИК

Пускай бы все труды мои пропали,
Коль от того пройдут твои печали.
Бедняжка! Здесь, где плакала она,
Плакун-травы посею семена;
Кто взглянет на зеленые посевы,
Пусть вспоминает слезы королевы.

Уходят.

479

АКТ IV.

СЦЕНА 1.

Лондон. Тронный зал в Уэстминстерском дворце.

*Вокруг трона, на возвышении, стоят лорды: слева – светские, справа – духовного
звания; внизу – члены палаты общин.*

*Входят БОЛИНГБРОК, ОМЕРЛЬ, СЕРРИ, НОРТЕМБЕРЛЕНД, ПЕРСИ,
ФИЦУОТЕР, ЕПИСКОП КАРЛЕЙЛЬСКИЙ, АББАТ УЭСТМИНСТЕРСКИЙ и
другие, за ними стража ведет БЕГОТА.*

БОЛИНГБРОК

Пусть Бегот подойдет. –
Итак, поведай, Бегот, без утайки, –
Как умерщвлен был благородный Глостер?
Кто вместе с королем задумал это
И кто свершил кровавое деянье,
Жизнь герцога до срока оборвав?

БЕГОТ

Пусть предо мною встанет лорд Омерль.

БОЛИНГБРОК

Кузен, взгляните Беготу в лицо.

БЕГОТ

Милорд, отказом от своих же слов
Унизите ли вы язык ваш дерзкий?
В час роковой, когда был герцог Глостер
На гибель обречен, сказали вы:

480

«Ужель рука моя так коротка,
Что ей из Англии не дотянуться
До дядюшкиной головы в Кале?»
В другой раз я слышал, как вы сказали,
Что легче было б вам отвергнуть дар
В сто тысяч крон, чем видеть Болингброка
Опять здесь, в Англии, к тому прибавив,
Что смерть кузена вашего была бы
Благословеньем для страны.

ОМЕРЛЬ

Милорды!
Как мне ответить низкому лжецу?
Сразившись с этим подлецом, как с равным,
Я оскорблю высокий мой удел.
И все же языку клеветника
Я честь свою порочить не позволю.

(Бросает перчатку.)

Моя перчатка, смертное клеймо,
Теперь тебя отметила для ада.
Ты лжешь, и лживо все, что ты сказал:
Я это докажу твоею кровью,
Хоть жаль марать мне рыцарский свой меч.

БОЛИНГБРОК

Постой! Не поднимай перчатку, Бегот!

ОМЕРЛЬ

О, если бы не он был оскорбитель,
А лучший из дворян, что здесь стоят, –
За исключением только одного.

ФИЦУОТЕР

Коль равного противника ты ищешь,
Омерль, – мою перчатку подними.
Клянусь сияющим над нами солнцем,
Я слышал сам, как похвалялся ты,
Что славный Глостер был тобой погублен.
И если станешь это отрицать,
Унизишься двадцатикратной ложью;
И в грудь твою, где ложь взяла начало,
Ее верну я острием меча.

ОМЕРЛЬ

До дня того не доживешь ты, трус!

481

ФИЦУОТЕР

Клянусь душой, – готов немедля биться!

ОМЕРЛЬ

За ложь, Фицуотер, будешь ты в аду!

ПЕРСИ

Ты лжешь, Омерль! Правдив твой обвинитель
Настолько же, насколько сам ты лжив.
Чтоб это доказать, готов я биться
С тобою на смерть. Вот моя перчатка;
Осмелишься ли ты ее поднять?

ОМЕРЛЬ

Коль не осмелюсь, пусть рука отсохнет,
Чтобы не смог я мстительную сталь
Обрушить на блестящий шлем врага!

ОДИН ИЗ ЛОРДОВ

И я земле, Омерль, клятвопреступник,
Мою перчатку для тебя вручаю.
Чтобы разъярить тебя, я не устану
И днем и ночью повторять: «Ты лжец!»
Вот мой залог, коль смеешь, подними!

ОМЕРЛЬ

Ну, кто еще? Любой приму я вызов!
Во мне отвага тысячи бойцов,
Таких, как вы, сражу я двадцать тысяч.

СЕРРИ

Милорд Фицуотер, я отлично помню
Беседу вашу с герцогом Омерлем.

ФИЦУОТЕР

Да, разговор происходил при вас;
Свидетель вы тому, что это правда.

СЕРРИ

Клянусь небесной правдой, что – неправда!

ФИЦУОТЕР

Ты, Серри, лжешь!

482

СЕРРИ

Молчи, щенок бесчестный!
Я ложь твою на меч свой положу,
И тяжкое обрушит он возмездье,
Пока не обретут себе покоя
На смертном ложе лжец и его ложь.
Тебе свою перчатку я бросаю,
Когда посмеешь ты, – сразись со мной!

ФИЦУОТЕР

Как ты горячего коня прищпорил!
Я смею пить и есть, дышать и жить,
И так же, встретив Серри, хоть в пустыне,
Ему в лицо посмею плюнуть я
И повторить, что лжет он, лжет и лжет!
Я привяжу тебя своею клятвой
К суровому отмищенью моему.
Как правда, что прославиться мечтаю
Я в этом мире, новом для меня,
Так правда все, в чем я виню Омерля. –
Еще, Омерль, от Норфолка я слышал, –
Послал в Кале ты двух своих вассалов,
Чтоб Глостера достойного убить.

ОМЕРЛЬ

Пусть кто-нибудь из честных христиан
Мне даст перчатку, чтоб ее я бросил
В залог того, что Норфолк лжет, и пусть
Он явится для божьего суда.

БОЛИНГБРОК

Все распри под залогами оставим,
Пока домой не возвратится Норфолк.
Хоть мне он враг, он будет возвращен
И вновь получит все свои владенья.
Омерлю с ним назначим поединок.

КАРЛЕЙЛЬ

Сей славный день вовеки не наступит.
Изгнанник Норфолк ревностно сражался
В святой земле за гроб честной господень;
Под стягом крестоносным побеждал
Он турок, сарацин и чернокожих,
И, утомленный бранными трудами,
В Венецию решил он удалиться

483

И там земле Италии прекрасной
Предал он плоть, а благородный дух
Предал он своему вождю Христу,
Под чьей хоругвью воевал так долго.

БОЛИНГБРОК

Вы точно знаете, что Норфолк умер?

КАРЛЕЙЛЬ

Как знаю то, что ныне сам я жив.

БОЛИНГБРОК

Пускай его блаженная душа
Почует с миром в лоне Авраама. –
Вы, лорды, обвинившие друг друга,
На время прекратите ваши распри,
Пока мы не назначим божий суд.

Входит ЙОРК со свитой.

ЙОРК

К тебе пришел я, доблестный Ланкастер,
Униженного Ричарда послом.
Он признает тебя по доброй воде
Наследником престола и свой скипетр
Тебе влагает в царственную руку.
Взойди на трон, раз он с него сошел.
Взойди! Да здравствует король наш Генрих!

БОЛИНГБРОК

То – божья воля: я взойду на трон.

КАРЛЕЙЛЬ

Избави боже! Нет!
Пусть сильным мира я не угожу
Своею речью, – угожу я правде.
Когда бы в благородном сем собрание
Нашелся кто-нибудь столь благородный,
Чтобы он мог быть праведным судьей
Над благородным Ричардом, – тогда
Его бы удержало благородство
От этого ужасного греха.
Как может подданный судить монарха?
А подданные Ричарда – здесь все!
Ведь даже вора осудить нельзя,
Не выслушав, хоть кража очевидна.

484

Так можно ли судить вам государя,
Носителя небесного величья,
Избранника, наместника господня,
Венчанного, помазанного богом,
И приговор заочно выносить?
Избави боже, чтобы христиане
Столь черное свершили преступленье!
Я к подданным взываю; бог велит
Мне, подданному, встать за государя.
Лорд Херифорд, которого называли
Вы королем, – изменник королю.
И если вы возложите корону
На голову его, – я предрекаю:
Кровь павших англичан удобрит землю,
И многие грядущие века
Оплачут горько это злое дело;
К язычникам переселится мир,
А здесь междоусобья разгорятся,
Восстанет брат на брата, род на род.
Насилье, страх, разруха и мятеж
Здесь будут жить, и край наш будет зваться
Голгофой и страной мертвецов.
О! Если дом английских королей
Сам на себя восстанет, – это будет
Ужаснейшим из всех земных раздоров.
Опомнитесь! Не порождайте смут,
Иначе вас потомки проклянут!

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Отлично, сэр! Вы славно потрудились,
Чтобы изобличить себя в измене,
И мы сейчас под стражу вас возьмем. –
Вам поручается, милорд Уэстминстер,
Его стеречь до вызова на суд. –
Благоволят ли лорды согласиться
С решением, принятым палатой общин?

БОЛИНГБРОК

Введите Ричарда: пусть всенародно
Он отречется; и тогда мы сможем
От нас все подозрения отвести.

ЙОРК

Ему служить я буду провожатым.

(Уходит.)

485

БОЛИНГБРОК *(Омерлю и Серри)*

Вас, лорды, мы пока возьмем под стражу;
Должны вы поручительства представить,
Что в должный день вы явитесь на суд.

(Карлейлю.)

От вас не ожидали мы любви
И не надеялись на вашу помощь.

Возвращается ЙОРК с КОРОЛЕМ РИЧАРДОМ. За ними несколько дворян несут королевские регалии: корону и прочее.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Увы! Уже я позван к королю,
А сам еще не вовсе отрешился
От королевских помыслов и чувств!
Еще не научился я гнуть спину,
Поддакивать, наушничать и льстить.
О, дайте скорби срок, – она научит.
Но я припоминаю эти лица:
Как будто люди эти мне служили,
Кричали мне: «Да здравствует король!»
Вот так лобзал Иуда. Но Христос
Одним лишь из двенадцати был предан;
Меня же предали двенадцать тысяч.

И не остался верен ни один.
Бог короля храни! – Но я не слышу
В ответ «Аминь!» Я, видно, и священник
И причт? Ну что же, сам скажу аминь!
Бог короля храни! – хоть он – не я.
И все-таки аминь; быть может, небо
Еще меня считает королем. –
Зачем сюда велели мне прийти?

ЙОРК

Затем, чтоб ты от бремени величья
Отрекся добровольно и признал,
Что должен и державу и корону
Взять Генрих Болингброк.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Подайте мне корону. – Здесь, кузен,
Вот здесь, кузен, возьмитесь за нее.
Итак, мы с двух сторон венец сей держим.
Он – как колодец, мы – как два ведра,

486

Что связаны друг с другом общей цепью:
Одно из них пустое, вверх стремится,
Другое тонет, полное водою.
Я полон скорбью и в слезах тону,
А вы легко стремитесь в вышину.

БОЛИНГБРОК

Но сами вы отречься пожелали.

КОРОЛЬ РИЧАРД

От трона – да; увы, – не от печали.
Я отдаю вам власть, но скорбь и боль
Возьму себе, над ними я король.

БОЛИНГБРОК

С короной часть забот вы мне вручите.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Себя заботой вы обремените,
Приняв мои заботы, мой венец,
Но все ж моим заботам – не конец.
У нас заботы – с разною основой:
Забота ваша – страсть к заботе новой,

Меня же то заботит и гнетет,
Что буду я лишен былых забот.

БОЛИНГБРОК

Согласны ль вы отречься от короны?

КОРОЛЬ РИЧАРД

Да, нет... Нет, да... Ведь я – ничто. В ответ,
Чтоб вышло «да», я отрекусь от «нет».
Итак, смотри, как сам себя я свергну! –
С главы сниму я непосильный груз,
Из сердца вырву царственную гордость
И выпущу из рук тяжелый скипетр.
Я днесь смываю свой елей слезами,
Я днесь свою корону отдаю,
Я днесь с себя слагаю сан священный,
Я днесь от всех отказываюсь прав.
От почестей, от власти отрекаюсь,
Отказываюсь от своих владений,
Свои указы все беру назад.
Пусть изменившим мне господь простит!
Тебя пусть от измены он хранит!

487

Пусть я, кто стал ничем, стал неимущим,
Ничем не буду удручен в грядущем;
Тебе же, кто вознесся выше всех,
Пусть во всем сопутствует успех!
Тебе – царить на Ричардовом троне,
А Ричарду – в земном сокрыться лоне.
Безоблачны твои да будут дни.
Король наш Генрих, бог тебя храни! –
Ну, что еще?

НОРТЕМБЕРЛЕНД (*подавая бумагу*)

Еще прочтите это, –
Признание в тяжелых преступлениях,
Которыми вы с вашими друзьями
Стране ущерб огромный нанесли.
Покайтесь же, и пусть народ узнает,
Что по заслугам низложили вас.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Как! Сам я должен размотать пред всеми
Клубок своих безумств? Нортемберленд,

Когда бы речь шла о твоих проступках,
Не стыдно ль были бы в таком собрание
Тебе их оглашать? А если нет, –
Ты в списке том прочел бы страшный грех:
Свержение законного монарха
И поругание святой присяги,
За что и будешь богом проклят ты. –
А вы – вам любопытно поглазеть,
Как надо мной беда моя глумится?
Кой-кто меня жалеет лицемерно
И умывает руки, как Пилат;
Но это вам, Пилаты, не мешает
На муки крестные меня отдать,
И вам водой не смыть сего греха.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Читайте же, милорд, не будем медлить.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Не вижу – слез полны мои глаза!
И все же я соленой этой влагой
Не ослеплен настолько, чтоб не видеть

488

Изменников, столпившихся вокруг.
И если взор я обращаю к себе,
Окажется, что я изменник тоже:
Я дал свое согласие на то,
Чтоб с короля сорвать его порфиру,
Власть ввергнуть в рабство, обесчестить славу
И государя в смерда превратить.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Милорд...

КОРОЛЬ РИЧАРД

Тебе не лорд я, оскорбитель!
Я титул потерял, утратил имя, –
И даже имя, данное в купели,
Я потерял, – не Ричард больше я.
О горе! Столько зим прожив на свете,
Не знаю, как мне называть себя!
О, если б я был шуточный король,
Из снега слепленный, и мог растаять,
Растечься мог под солнцем Болингброка! –

Мой добрый, мой великий государь! –
Хоть доброты в твоём величье мало, –
Когда ещё какую-нибудь цену
Имеют в Англии мои слова, –
Вели, пусть зеркало мне принесут,
Хочу я посмотреть на короля,
Лишенного могущества и власти.

БОЛИНГБРОК

Пусть зеркало достанет кто-нибудь.

Один из слуг уходит.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

А вы пока бумагу прочитайте.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Ещё я не в аду – не мучай, дьявол!

БОЛИНГБРОК

Оставим это, лорд Нортемберленд.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Палата общин будет недовольна.

489

КОРОЛЬ РИЧАРД

Довольна будет. Я прочту довольно,
Коль загляну в ту подлинную книгу,
Где значатся мои грехи, – в себя.

Входит слуга с зеркалом.

Дай зеркало, и все я в нём прочту. –
Как! Линии морщин не стали глубже?
Скорбь нанесла мне по лицу удары,
А шрамов нет? О, льстивое стекло!
Как все мои приверженцы бывшие,
Ты лжешь! Ужели здесь – лицо того,
Кто каждый день под кров гостеприимный
Сзывал по десять тысяч человек?
Лицо, что заставляло, словно солнце,
Зажмуриться глядевших на него?
Лицо того, кто был так безрассуден,
Так добрых от дурных не отличал,
Что был отлично свергнут Болингбромом.

Величьем бrenным светится лицо,
Но бrenно, как величье, и лицо.

(С силой бросает зеркало на пол.)

Ну вот, оно лежит, в куски разбито,
И в том тебе урок, король угасший:
Как быстро скорбь разрушила лицо.

БОЛИНГБРОК

Разрушена лишь тенью вашей скорби
Тень вашего лица.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Как? Повтори!
Тень скорби, говоришь ты? Гм! Быть может. –
Конечно, так: гнездится скорбь внутри,
А горестные жалобы мои –
Лишь призраки невидимого горя,
Созревшего в истерзанной душе.
Король, благодарю тебя за щедрость:
Причины мне даруя для печали,
Ты сам же учишь, как мне горевать.
Лишь об одном еще вас попрошу,
А там уйду и докучать не стану.
Могу ль надеяться на эту милость?

490

БОЛИНГБРОК

Какую же, достойнейший кузен?

КОРОЛЬ РИЧАРД

«Достойнейший»? Я – больше, чем король!
Я был король, – мне подданные льстили;
Я – подданный, и вот – король мне льстит.
Я так велик, зачем же мне просить?

БОЛИНГБРОК

Просите все-таки.

КОРОЛЬ РИЧАРД

И получу?

БОЛИНГБРОК

О да!

КОРОЛЬ РИЧАРД

Итак, позвольте мне уйти.

БОЛИНГБРОК

Куда?

КОРОЛЬ РИЧАРД

Туда, куда вы повелите,
Но только поскорее прочь отсюда.

БОЛИНГБРОК

Пусть проведут его немедля в Тауэр.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Пусть проведут? Вы хорошо сказали.
Меня любой сумеет провести:
Раз пал король – изменники в чести.

КОРОЛЬ РИЧАРД, несколько лордов и стража уходят.

БОЛИНГБРОК

На будущую среду назначаем
Мы нашу коронацию. Готовьтесь.

*Уходят все, кроме Епископа Карлейльского, Аббата
Уэстминстерского и Омерля.*

АББАТ

Я зрелища плачевней не видал.

491

КАРЛЕЙЛЬ

Плач впереди: за это преступленье
Заплатят будущие поколения.

ОМЕРЛЬ

Ужель, отцы святые, средства нет
Наш край избавить от грозящих бед?

АББАТ

Милорд, я буду с вами откровенен,
Но только раньше вы должны поклясться
Моих намерений не разглашать
И все, что я потребую, исполнить. –
Я вижу на челе у вас заботу,
Печаль на сердце, слезы – на глазах.

Прошу обоих вас ко мне на ужин,
И я вам изложу к спасенью путь;
Дни радости он сможет нам вернуть.

Уходят.

492

АКТ V.

СЦЕНА 1.

Лондон. Покой в Или-Хаузе.

Входят королева и придворные дамы.

КОРОЛЕВА

Вот путь к угрюмой крепости; ее
На горе нам построил Юлий Цезарь.
По этому пути пройдет король.
Супруг мой будет в каменной громаде
Надменным Болингброком заточен.
Здесь отдохнем. – Мятежная земля,
Дай отдохнуть законной королеве!

Входит Король Ричард под стражей.

Скорей! Взгляните!.. Или нет, не надо.
Цветок моей души, как он увял!
Нет, все же поглядите: состраданье
Пусть освежит его росой слез.
Вот что осталось от великой Трои!
Ты – отблеск прежней славы! Ты – не Ричард,
Ты лишь гробница Ричарда былого!
Увы, зачем в прекраснейшем дворце
Уродливое горе обитает,
А счастье поселилось в кабаке?

493

КОРОЛЬ РИЧАРД

О, не вступай, красавица, в союз
Со скорбью: тем ты мой конец приблизишь.
Учись считать бывшее чудным сном,
От коего мы ныне пробудились.
Я побратался с беспощадным горем
И до могилы буду связан с ним.
Любимая, во Францию спешу

И затворись там в келье монастырской.
О, если бы мы праведною жизнью
Небесные венцы стяжать могли,
Раз уж своих земных не сберегли!

КОРОЛЕВА

Как! Ричард мой настолько изменился,
Ослаб настолько телом и душой?
Иль Болингброк твой разум тоже сверг?
Иль в сердце Ричарда он тоже вторгся?
Лев раненый, когда когтистой лапой
До недруга не может дотянуться,
Терзает землю в ярости. А ты –
Ты, словно провинившийся школяр,
Льстишь ярости врага, целуя розгу?
Опомнись же – ты лев, ты царь зверей!

КОРОЛЬ РИЧАРД

Воистину я – царь зверей! О, если б
Средь подданных не только звери были,
Я счастливо царил бы над людьми.
Былая королева! Собирайся
Во Францию. Считай, что ты вдова,
Что умер я, с тобою здесь простившись.
Когда тебе случится коротать
Со стариками долгий зимний вечер
У очага и слушать их рассказы
О бедствиях времен давно минувших. –
Ты расскажи им повесть обо мне,
Пусть перед сном они меня оплачут.
В твоих словах такая будет скорбь,
Что огненные слезы состраданья
Прольются из бесчувственных поленьев
И в черный уголь или в серый пепел
Они затем оденутся, печалясь
О свергнутом законном короле.

Входят НОРТЕМБЕРЛЕНД и другие.

494

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Милорд, решил иначе Болингброк:
Отправитесь вы в Помфрет, а не в Тауэр. –
Вы ж, государыня, благоволите
Немедленно во Францию отплыть.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Нортемберленд, ты – лестница, по коей
На мой престол поднялся Болингброк.
Но близок час, когда твой гнусный грех
Прорвется, как нарыв, набухший гноем.
Ты, если даже Болингброк отдаст
Тебе полцарства, – будешь недоволен:
Ему ведь все помог ты захватить.
А он поймет, увидев, как умеешь
Ты делать незаконных королей,
Что и его, чуть он тебя заденет,
С захваченного трона ты столкнешь.
Так ваша дружба обратится в страх,
Страх – в ненависть, а ненависть обеим
Заслуженную гибель принесет.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Мой грех, мой и ответ, – покончим с этим.
Прощайтесь же, расстаться вы должны.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Двойной развод! – Расторгли, злые люди,
Вы мой союз с законною короной
И мой союз с законною женой.

(Королеве.)

Вернем друг другу брачные обеты
Прощальным поцелуем... Нет, не надо, –
Ведь поцелуй их некогда скрепил.

(Нортемберленду.)

Что ж, разлучай! Отправь меня на север,
Туда, где холод, сырость и болезни;
Ее – во Францию. Она оттуда
Пришла, как май, нас радостью даря,
Вернется же – грустнее ноября.

КОРОЛЕВА

Мы будем врозь? Должны мы жить в разлуке?

495

КОРОЛЬ РИЧАРД

Да, будут врозь сердца, врозь будут руки.

КОРОЛЕВА

Пускай пошлют в изгнание нас вдвоем.

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Опасность для страны была бы в том.

КОРОЛЕВА

Тогда пусть с ним я разделю неволю.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Чтоб вместе горькую оплакать долю?
Нет, если вместе жить не довелось,
То лучше уж и горевать нам врозь.
Твой путь измерят стоны, мой – рыдания.

КОРОЛЕВА

Мой долг путь, надолго и стенанья.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Но вдвое горше мой короткий путь,
И вздохи будут разрывать мне грудь.
Раз вам со скорбью обвенчаться надо,
Не будем длить венчального обряда.
И молча, – лишь с лобзаньем, – в знак конца
Друг другу мы вручим свои сердца.

Обмениваются поцелуем.

КОРОЛЕВА

Нет, снова обменяемся сердцами:
Я не хочу убить твое слезами.

Снова обмениваются поцелуем.

Ты сердце мне вернул; теперь иди:
Тоска убьет его в моей груди.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Прощай! Молчи – слова лишь множат горе;
Все наша скорбь за нас доскажет вскоре.

Уходят.

496

СЦЕНА 2.

Лондон. Покой во дворце герцога Йоркского.

Входят ЙОРК и ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

ГЕРЦОГИНЯ

Супруг мой, вам рыдания помешали,
Но вы должны окончить свой рассказ
О въезде двух племянников в столицу.

ЙОРК

На чем остановился я?

ГЕРЦОГИНЯ

На том,
Что на голову Ричарду из окон
Бросали злые руки всякий сор.

ЙОРК

Как я сказал, великий Болингброк
Въезжал верхом на скакуне горячем,
Который выступал неторопливо,
Как будто бы гордясь столь славной ношей,
Своим честолюбивым седоком.
Народ его приветствовал, крича:
«Да здравствует наш Болингброк!» Казалось,
Что окна ожили: и стар и млад
Глазами жадными на них глядели;
Казалось, что кричали даже стены,
Украшенные яркими коврами:
«Добро пожаловать, наш Болингброк!»
Он ехал с непокрытой головой
И, кланяясь направо и налево,
Сгибаясь ниже гордой конской шеи,
Всем говорил: «Спасибо, земляки».
Так, всю дорогу кланяясь, он ехал.

ГЕРЦОГИНЯ

А бедный Ричард? Как же ехал он?

ЙОРК

Когда любимый публикой актер,
Окончив роль, подмостки покидает,
На сцене ж появляется другой,
То на него все смотрят без вниманья,

Зевают, слушая его слова.
Так Ричард встречен был пренебреженьем,
Никто «да здравствует!» не возгласил,

Никто «добро пожаловать!» не молвил,
Кой-кто бросал в помазанника грязью,
И кротко он стирал ее с себя;
А на лице его боролись слезы
С улыбкой – знаки скорби и терпенья.
Когда бы с некой высшей целью небо
Сердца людские не ожесточило, –
Смягчились бы они; и состраданья
Исполнилось бы варварство само.
Но всем видна здесь божия десница,
Должны мы вышней воле подчиниться.
Я Болингброку свой принес обет;
Он – мой король, возврата больше нет.

ГЕРЦОГИНЯ

Но вот Омерль.

ЙОРК

Он больше не Омерль.
Друг Ричарда, он герцогства лишен
И только графом Ретлендом зовется.
В парламенте я нынче дал присягу,
Что государю новому мой сын
Вассалом верным будет навсегда.

Входит ОМЕРЛЬ.

ГЕРЦОГИНЯ

Мой сын, какие новые фиалки
Взрастила эта новая весна?

ОМЕРЛЬ

Не знаю. Что мне в том? Господь свидетель, –
Я не желал бы стать одной из них.

ЙОРК

Сию весну ты должен стойко снести,
Иль будешь сорван, не успев расцвести.
Что в Оксфорде? Турниры и веселье?

ОМЕРЛЬ

Как будто.

ЙОРК

Собираешься туда?

ОМЕРЛЬ

Коль мне господь не помешает, – да.

ЙОРК

Постой! Что это за шнурок с печатью?
Ты побледнел! Что это за бумага?

ОМЕРЛЬ

Безделица, милорд.

ЙОРК

Ну, если так,
Тогда и показать ее не страшно.
Подай бумагу, я хочу прочесть.

ОМЕРЛЬ

Прошу меня уволить, ваша светлость.
Значения бумага не имеет,
Но все ж ее читать вы не должны.

ЙОРК

И все же, сэр, ее прочесть я должен.
Боюсь, боюсь...

ГЕРЦОГИНЯ

Чего боитесь вы?
Расписка это, верно, долговая:
Вошел в долги он, чтобы нарядиться
К оксфордским торжествам.

ЙОРК

Вошел в долги?
И самому себе вручил расписку?
В уме ли ты?

(Омерлю.)

Подай сюда бумагу.

ОМЕРЛЬ

О нет, отец! Простите, не могу.

ЙОРК

Нет, ты отдашь, и я ее прочту.

(Вырывает бумагу и читает ее.)

Предательство!.. Злодей! Подлец! Изменник!

ГЕРЦОГИНЯ

Но что случилось? Что все это значит?

ЙОРК

Эй! Слуги! Кто там! Эй!

Входит слуга.

Седлать коня!

О боже! Что за гнусная измена!

ГЕРЦОГИНЯ

О чем вы, мой супруг?

ЙОРК

Подать мне сапоги! Седлать коня! –

Слуга уходит.

Клянусь я честью, жизнью и присягой –
Изобличу злодея!

ГЕРЦОГИНЯ

Что случилось?

ЙОРК

Безумная, молчи!

ГЕРЦОГИНЯ

Не замолчу! – Омерль, скажи, в чем дело?

ОМЕРЛЬ

Не бойся, пустяки, и я отвечу
За это только жизнью.

ГЕРЦОГИНЯ

Только жизнью?

ЙОРК

Эй, сапоги! Я еду к королю.

Входит слуга с высокими сапогами.

ГЕРЦОГИНЯ

Гони его, Омерль! Мой бедный мальчик,
Растерян ты?

(Слуге.)

Прочь с глаз моих, холоп!

Слуга уходит.

ЙОРК

Я говорю – подать мне сапоги!

ГЕРЦОГИНЯ

Остановись! Что ты задумал, Йорк?
Ужель ты выдашь собственное чадо?
Иль есть у нас другие сыновья?
Иль мне рожать детей еще не поздно?
Отнять ты хочешь сына у старухи,
Чтоб матью ее никто не звал?
Иль в вас нет сходства? Он тебе чужой?

ЙОРК

Несчастливая! Лишилась ты рассудка?
Ты хочешь скрыть сей заговор ужасный?
Двенадцать заговорщиков решили –
Вот клятва их, скрепленная печатью, –
Убить монарха в Оксфорде.

ГЕРЦОГИНЯ

О нет!
Мы сына своего туда не пустим!
Так нам-то что до этого?

ЙОРК

Отстань!
Безумная! Да будь он двадцать раз
Мой сын, – его избаловать я должен.

ГЕРЦОГИНЯ

Когда б из-за него ты принял муки,
Как я, – к нему ты был бы милосердней.
Теперь я вижу: ты подозреваешь,
Что ложе осквернила я твое
И он тебе не сын, но плод греха?
О нет, не думай так, супруг любимый!

Нет сходства большего, чем между вами.
 Ни на меня, ни на моих родных
 Он вовсе не похож, а между тем
 Я так его люблю!

ЙОРК

Прочь! Прочь с дороги!

(Уходит.)

ГЕРЦОГИНЯ

Омерль, – за ним! Возьми его коня!
 Мчись к королю, опередив отца,
 И вымоли заранее прощенье,
 Пока отцом еще не обвинен.
 Я – тоже за тобой. Хоть я стара,
 Но Йорк меня намного не обгонит.
 И там с колен я поднимусь не прежде,
 Чем Болингброк тебя простит. Спешите!

Уходят.

СЦЕНА 3.

Уиндзор. Зал во дворце.

Входит БОЛИНГБРОК в королевском одеянии, ПЕРСИ и другие лорды.

БОЛИНГБРОК

Кто скажет мне, где мой беспутный сын?
 Три месяца, как я его не видел.
 Поистине, для нас он божья кара.
 Прошу вас разыскать его, милорды.
 По лондонским ищите кабакам:
 Там, говорят, он днюет и ночует
 Среди своих друзей – головорезов,
 Из тех, что рыщут в узких переулках,
 Чиня разбой, на стражу нападая.
 А он, шальной, балованный юнец,
 Считает для себя великой честью
 Кормить весь этот сброд.

ПЕРСИ

На днях я встретил принца, государь,
 И рассказал об оксфордских турнирах.

БОЛИНГБРОК

И что ж тебе ответил шалопай?

ПЕРСИ

Ответил, что пойдет в публичный дом,
Возьмет перчатку у последней шлюхи,
Что, прикрепив сей знак благоволения
На шлем, участие примет он в турнире
И выбьет там любого из седла.

БОЛИНГБРОК

В нем удали не меньше, чем беспутства!
И все же в сыне проблески я вижу,
Которые мне подают надежду,
Что славы он достигнет, возмужав.

Вбегает ОМЕРЛЬ.

Где государь?

БОЛИНГБРОК

Но что с кузеном нашим?
Как дико он глядит.

ОМЕРЛЬ

Бог да хранит вас, государь. Могу ли
Просить у вас беседы с глазу на глаз?

БОЛИНГБРОК

Оставьте нас вдвоем.

ПЕРСИ и другие уходят.

Кузен, что с вами?

ОМЕРЛЬ (*преклоня колено*)

Пускай вrastут мои колени в землю,
Пускай прилипнет к небу мой язык,
Коль поднимусь или заговорю,
Не получив от короля прощенья.

БОЛИНГБРОК

Ты грешен помыслом или поступком?
Но если помыслом, – пусть самым злым, –
Прощу, чтоб впредь ты другом стал моим.

ОМЕРЛЬ

Позвольте дверь мне запереть на ключ,
Чтоб не вошел сюда никто, покамест
Не кончу я рассказ.

БОЛИНГБРОК

Ну что ж, запри.

ОМЕРЛЬ запирает дверь на ключ.

ЙОРК (за сценой)

Откройте! Государь, остерегись!
Остерегись – перед тобой изменник!

БОЛИНГБРОК (обнажая меч)

Злодей! Сейчас тебя я обезврежу!

ОМЕРЛЬ

О нет, тебе опасность не грозит,
Не поднимай же мстительную руку!

ЙОРК (за сценой)

Открой, король беспечный, легковерный!
Любя, тебе кричу я оскорбленья.
Открой, иначе выломаю дверь!

БОЛИНГБРОК отпирает дверь. Входит ЙОРК.

БОЛИНГБРОК

Ну, что случилось, дядя? Отдышись.
Скажи нам, где опасность, чтобы мы
Ее могли во все оружие встретить.

ЙОРК (подавая бумагу)

Здесь все прочтешь. Я так сюда спешил,
Что об измене рассказать – нет сил.

ОМЕРЛЬ

Но не забудь, что дал мне обещанье.
Ведь я раскаялся. Прошу тебя

Считать, что нет там подписи моей:
С рукою сердце не было в согласье.

ЙОРК

Ложь! Ты – изменник сердцем и рукой! –
Бумагу эту вырвал у злодея
Я из-за пазухи. И здесь, король,
Не от любви он кается – от страха:
Щадя его, ты пощадишь змею,
Которая тебя ужалит в сердце.

БОЛИНГБРОК

Что? Заговор – ужасный, дерзкий, подлый!
О доблестный отец злодея-сына!
Ты – чистый и прозрачный горный ключ,
Из коего, беря свое начало,
Ручей вот этот долго тек по грязи
И вредоносным сделался теперь.
В тебе избыток доброго, в нем – злого;
Но все ж искупит преданность отца
И этот тяжкий грех дурного сына.

ЙОРК

Как! Добродетель – сводня для порока?
Отцовской честью сын свой стыд оплатит,
Как золотом родительским – долги?
Нет, стыд и честь не существуют вместе.
Позор сыновний – смерть отцовской чести.
И верности в могилу должно лечь,
Когда измену не карает меч!

ГЕРЦОГИНЯ (за сценой)

Где государь? Впустите! Ради бога!

БОЛИНГБРОК

Кто там кричит, так жалобно моля?

ГЕРЦОГИНЯ (за сценой)

Я женщина, я тетка короля.
Откройте дверь во имя сострадания:
Вас просит нищенка о подаянье.

505

БОЛИНГБРОК

Трагедия окончилась, – и вот,
«Король и Нищенка» у нас идет. –

(Омерлю.)

Впустите мать. За ваше преступление
Она пришла вымаливать прощенье.

ЙОРК

Кто б ни молил, но если ты простишь,
То преступленья новые родишь.
Гниющий член должны отсечь мы смело,
Иль порча вскоре поразит все тело.

Входит ГЕРЦОГИНЯ.

ГЕРЦОГИНЯ

Не слушай, государь! Он так жесток,
Что даже сына полюбить не смог.

ЙОРК

Безумная! Изменника ты снова
Вскормить сосцами старыми готова?

ГЕРЦОГИНЯ (*становясь на колени*)

Йорк, сжался! Сердца моего не рань! –
Послушай, государь мой добрый!

БОЛИНГБРОК

Встань!

ГЕРЦОГИНЯ

О нет; с колен я до тех пор не встану
Рыдать, к тебе взывая, не устану,
Пока мне радость не вернешь: вина
Заблудшему да будет прощена!

ОМЕРЛЬ (*становясь на колени*)

Мою мольбу прими с ее мольбою.

506

ЙОРК (*становясь на колени*)

И я склоню колени пред тобою:
Им откажи, иль пожалеешь ты!

ГЕРЦОГИНЯ

Что он сказал? Вглядись в его черты:
Нет слез в глазах, смеется он над нами.
Мы сердцем говорим, он – лишь устами
Он просит, уповая на отказ;

Мы просим, и в отказе – смерть для нас.
Он только ждет, чтоб распрямить колени,
А мы умрем, склонившись для молений;
Притворны пылкие его мольбы,
Мы ж верим в милосердие судьбы.
Прошу тебя уважить то прошение,
Которое честней, – даруй прощенье!

БОЛИНГБРОК

Встань!

ГЕРЦОГИНЯ

Нет! Другого слова я ищу:
Я встану, если скажешь ты «прощу».
Будь нянькой я твоей, – ты это слово
Узнал бы раньше всякого другого.
О, как услышать мы его хотим!
Пусть жалость даст его устам твоим!
В нем много мягкости, хоть звуков мало.
Как это слово королю пристало!

ЙОРК

Ответь ей «Pardonnez moi¹», король.

ГЕРЦОГИНЯ

Нет, от игры словами нас уволь!
О злой, посредством языка чужого
Двусмысленным ты сделал это слово! –
Король, тебя мы просим об одном:
Скажи «прощу» на языке родном.
Твой взгляд смягчился, дай устам смягчиться;
Пусть в сердце чутком слух твой поместится,

507

Чтоб, вняв мольбам, от сердца полноты,
«Прощу» ответил милостиво ты.

БОЛИНГБРОК

Но встань же!

ГЕРЦОГИНЯ

Нет! Молить я перестану,
Когда простишь. А не простишь, – не встану.

БОЛИНГБРОК

Прощу, и пусть меня простит господь.

ГЕРЦОГИНЯ

Он будет жить! Он, кровь моя и плоть!
О, счастье коленопреклоненья!
Мне страшно... Повтори слова прощенья,
Чтоб я уверилась.

БОЛИНГБРОК

Прощен он мной.
Прощен от всей души.

ГЕРЦОГИНЯ

Ты – бог земной!

БОЛИНГБРОК

Но за вернейшим братцем, за аббатом,
За этой всей достопочтенной шайкой,
Как гончий пес, сейчас помчится смерть. –
Погоню, дядя, отряди немедля,
Пускай их ищут в Оксфорде и всюду.
Ах, только бы их разыскать смогли, –
Изменников сотру с лица земли.
Счастливым путь, мой благородный дядя. –
Кузен, ступайте. Мать вам жизнь спасла,
Служите ж нам, не замышляя зла.

ГЕРЦОГИНЯ

Мой сын не юн, но воля, знать, господня,
Чтоб заново он начал жизнь сегодня.

Уходят.

508

СЦЕНА 4.

Там же.

Входят СЭР ПИРС ЭКСТОН и слуга.

ЭКСТОН

Ты тоже слышал, как король сказал:
«Иль не найдется друга, чтоб избавить
Меня от этого живого страха?»
Не так ли?

СЛУГА

Точные его слова.

ЭКСТОН

«Иль не найдется друга?» – он спросил
Он дважды это повторил, и дважды –
С особым удареньем. Так ведь?

СЛУГА

Так.

ЭКСТОН

И на меня он поглядел при этом
Как будто говоря: «Не ты ли снимешь
Давящий ужас с сердца моего?» –
Того, кто в Помфрете, в виду имея.
Мне дружба государя дорога
И я его избавлю от врага.

Уходят.

СЦЕНА 5.

Помфрет. Замковая башня.

Входит КОРОЛЬ РИЧАРД.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Живя в тюрьме, я часто размышляю, –
Как мне ее вселенной уподобить?
Но во вселенной – множество существ,
А здесь – лишь я, и больше никого.
Как сравнивать? И все же попытаюсь.
Представим, что мой мозг с моей душой
В супружестве. От них родятся мысли,
Дающие дальнейшее потомство.

509

Вот племя, что живет в сем малом мире.
На племя, что живет в том, внешнем, мире,
Похоже удивительно оно:
Ведь мысли тоже вечно недовольны.
Так, мысли о божественном всегда
Сплетаются с сомненьями, и часто
Одна из них другой противоречит;
Здесь, например, «Придите все», а там –
«Ко мне попасть не легче, чем пройти

Верблюду сквозь игольное ушко».
Иное у честолюбивых мыслей,
Им надобно несбыточных чудес:
Чтоб эти ногти слабые могли
Прорыть проход сквозь каменную толщу,
Разрушить грубый мир тюремных стен.
Но так как это неосуществимо, –
В своей гордыне гибнут мысли те.
А мысли о смирение и покое
Твердят о том, что в рабстве у Фортуны
Не первый я и, верно, не последний.
Так утешается в своем позоре
Колодник жалкий – тем, что до него
Сидели тысячи бродят в колодках, –
И ощущает облегчение он,
Переложив груз своего несчастья
На плечи тех, кто прежде отстрадал. –
В одном лице я здесь играю многих,
Но все они судьбою недовольны.
То я – король, но, встретившись с изменой.
Я нищему завидую. И вот,
Я – нищий. Но тяжелые лишения
Внушают мне, что королем быть лучше.
И вновь на мне венец. И вспоминаю
Я снова, что развенчан Болингброком
И стал ничем. Но, кем бы я ни стал, –
И всякий, если только человек он,
Ничем не будет никогда доволен
И обретет покой, лишь став ничем.

Музыка.

Что? Музыка? Ха-ха! Держите строй:
Ведь музыка нестройная ужасна!
Не так ли с музыкою душ людских?
Я здесь улавливаю чутким ухом
Фальшь инструментов, нарушение строя,

510

А нарушение строя в государстве
Расслышать вовремя я не сумел.
Я долго время проводил без пользы,
Зато и время провело меня.
Часы растратив, стал я сам часами:
Минуты – мысли; ход их мерят вздохи;

Счет времени – на циферблате глаз,
Где указующая стрелка – палец,
Который наземь смахивает слезы;
Бой, говорящий об истекшем часе, –
Стенанья, ударяющие в сердце,
Как в колокол. Так вздохи и стенанья
Ведут мой счет минутам и часам.
Послушное триумфу Болингброка,
Несется время; я же – неподвижен,
Стою кукушкой на его часах.
Не надо больше музыки. Устал я.
Хоть, говорят, безумных ею лечат, –
Боюсь, я от нее сойду с ума.
И все ж, да будет мне ее пославший
Благословен. Ведь это – знак любви,
А к Ричарду любовь – такая редкость,
Такая ценность в этом мире злом.

Входит Конюх.

Конюх

Привет мой королю!

Король Ричард

Привет вельможе!
Мы вместе стоим фартинг, не дороже.
Кто ты? Зачем ты здесь, куда приходит
Лишь мрачный пес, который носит пищу,
Чтобы мое несчастье жить могло.

Конюх

Я конюхом был у тебя, король,
Когда ты королем был. В Йорк я еду
И, хоть с трудом, добился разрешения
На господина прежнего взглянуть.
Как больно сжалось сердце у меня
В день коронации, когда – вдруг вижу:
На Берберийце едет Болингброк!
На жеребце, тобою столь любимом,
На жеребце, так выхоленном мной!

511

Король Ричард

На Берберийце? Расскажи мне, друг,
Как шел мой конь под ним?

К О Н Ю Х

Так горделиво, словно бы гнушался
Землею, по которой он ступал.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Гордился тем, что Болингброка нес?
Из рук моих хлеб ела эта кляча,
Она гордилась ласкою моей!
И не споткнулась кляча? Не упала
(Раз уж случилось, что упала гордость)
И шею не сломала гордецу,
Который сел в ее седло насильно?..
Прости, мой конь! За что тебя бранить?
Ты сотворен для подчиненья людям
И выношен, чтоб их носить. А я,
Хоть по рожденью – человек, не лошадь,
Тащу свою поклажу, словно мул,
И загнан беспощадным Болингброком.

Входит Тюремщик с блюдом.

Т Ю Р Е М Щ И К (*конюху*)

Приятель, уходи! Прошел твой срок.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д (*конюху*)

Коль ты мне друг, – переступи порог.

К О Н Ю Х

Так много в сердце, а сказать – не смог.

(Уходит.)

Т Ю Р Е М Щ И К

Милорд, вам не угодно ль пообедать?

512

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Изволь сначала, как всегда, отведать.

Т Ю Р Е М Щ И К

Я не смею, милорд. Мне запретил это сэр Пирс Экстон,
который только что прибыл от короля.

К О Р О Л Ь Р И Ч А Р Д

Пускай сам дьявол заберет тебя

И Генриха Ланкастера впридачу!
Мое терпенье истожили вы.

(Бьет тюремщика.)

ТЮРЕМЩИК

Помогите! Помогите! Помогите!

Входят СЭР ПИРС ЭКСТОН и вооруженные слуги.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Вот как! Мне угрожает смерть? – Злодей,
Погибнешь ты от собственной секиры!

(Выхватывает секиру у одного из слуг и убивает его.)

И ты найдешь пристанище в аду.

(Убивает второго слугу.)

ЭКСТОН поражает Короля Ричарда.

Рука, меня сразившая, да будет
В неугасимом пламени гореть. –
Свою страну ты, Экстон дерзновенный,
Забрызгал кровью короля священной. –
Душа, с греховной плотью распростись.
Твой трон на небе, – отлетай же ввысь!

(Умирает.)

ЭКСТОН

О нем скажу одно в надгробном слове:
Он был король по доблести, по крови.
Я пролил кровь и доблесть я убил;
Благое ли я дело совершил?
Но дьявол, сам мою толкавший руку,
Теперь мне адскую пророчит муку. –
Я к королю свезу труп короля,
А эти два пусть примет здесь земля.

513

СЦЕНА 6.

Уиндзор. Покои в королевском дворце.

Трубы. Входят БОЛИНГБРОК, ЙОРК и свита.

БОЛИНГБРОК

Мятежники, как слышно, в Глостершире
Творят свои преступные дела:
Наш город Сайстер там сожжен дотла.
Успели ли схватить их, мы не знаем.

Входит НОРТЕМБЕРЛЕНД.

Добро пожаловать. Какие вести?

НОРТЕМБЕРЛЕНД

Да будет счастье над твоей державой! –
Шлю в Лондон я четыре головы:
Блент, Спенсер, Солсбери и Кент – мертвы.

(Подает бумагу.)

Здесь, государь, в подробном донесенье
Перечисляются их преступления.

БОЛИНГБРОК

Нортемберленд, за твой достойный труд
Тебя достойные награды ждут.

Входит ФИЦУОТЕР.

ФИЦУОТЕР

Я, государь, из Оксфорда вернулся.
Всех прочих заговорщиков опасных,
Готовивших убийство короля,
Там ждали Брокас и сэр Беннет Сили.
Их головы я в Лондон отослал.

БОЛИНГБРОК

Фицуотер, ты достоин восхваленья,
Я твоего не позабуду рвенья.

Входят ПЕРСИ и ЕПИСКОП КАРЛЕЙЛЬСКИЙ

ПЕРСИ

Аббат Уэстминстерский, главарь их шайки,
Замученный раскаяньем и скорбью,
Плоть брENNую свою могиле предал.
Но вот Карлейль. Я взял его живым,
Чтоб сам король вершил свой суд над ним.

БОЛИНГБРОК

Так слушай же, Карлейль!

К тебе судьба не будет столь жестокой:
Вдали от мира, в келье одинокой
Жить будешь ты и там, в святой тиши,
Молиться о спасении души.
Хоть мне как давний враг мой ты известен,
Но ты порой бывал и прям и честен.

Входит Сэр Пирс Экстон, за ним слуги несут гроб.

ЭКСТОН

Великий государь, вот гроб. Узнай же,
Что Ричарда Бордоского в нем прах.
Взгляни – в гробу покоится твой страх:
Твой злейший недруг больше не опасен.

БОЛИНГБРОК

И за него не жди себе похвал:
Меня и Англию он запятнал.

ЭКСТОН

Он вами был внушен, хоть он и дерзок.

БОЛИНГБРОК

Порою нужен яд, – и все ж он мерзок.
Убийца гадов мне, убитый – мил,
Хоть звал я смерть к нему, пока он жил.
Ты встретишь не мое благоволение,
Но совести нечистой угрызенья:
Бродить, как Каин, будешь ты в ночи,
И солнце спрячет от тебя лучи. –
О горе! Неужели, боже правый,
Чтоб вырос я, был нужен дождь кровавый? –
Пусть все разделят скорбь мою сейчас;
Облечься в траур призываю вас.
Сей тяжкий грех я на себя приемлю,
Смыть кровь отправлюсь я в святую землю.
Несите гроб. – Восплачем же над ним,
Безвременно усопшего почтим.

Уходят.

Эта пьеса была впервые зарегистрирована в реестре Палаты торговцев бумагой в августе 1597 года и еще до конца года вышла и свет изданием in quarto. Уже в следующем, 1598 году Ф. Мерее упоминает ее в своем известном списке пьес Шекспира. Таким образом устанавливается, что «Ричард II» был создан не позже 1597 года. До недавнего времени возникновение пьесы датировалось предположительно, и исследователи называли даты от 1594 до 1596 года. Э. К. Чемберс открыл один документ, который позволил уточнить дату написания «Ричарда II» и вместе с тем показал, насколько близки бывают догадки исследователей, даже когда они не располагают документацией. Документ этот – частное письмо члена парламента Эдуарда Хоби, который приглашал на представление этой пьесы в своем доме известного елизаветинского вельможу Роберта Сесия, сына министра королевы лорда Берли. Приглашение датировано 7 декабря 1595 года, а спектакль должен был состояться 9 декабря. На основании этого Э. К. Чемберс считает, что «Ричард II» был создан в том же 1595 году, и его мнение разделяется Дж. Довер Уилсоном.

Различные эпизоды царствования Ричарда II и до Шекспира привлекали внимание драматургов. Крестьянскому восстанию 1381 года была посвящена пьеса «Жизнь и смерть Джека Строу», напечатанная в 1593 году, но появившаяся на сцене за несколько лет до этого. Другая пьеса сохранилась в рукописи. Она дошла до нас без названия, и исследователи обычно называют ее «Томас Вудсток». (Текст ее был напечатан в 1870 г.) В драме изображаются события, предшествовавшие тем, которые составили сюжет шекспировского «Ричарда II». Исходя из этого, некоторые исследователи называют ее «первой частью» «Ричарда II» и считают хронику Шекспира продолжением «Томаса Вудстока». Высказывалось предположение, что существовала хроника в двух частях, первой частью которого был «Томас Вудсток» неизвестного автора, а второй – «Ричард II» Шекспира. Но против этого говорит то обстоятельство, что персонаж «Томаса Вудстока» Грин, которого убивают в этой пьесе, снова появляется живым в начале драмы Шекспира. Не совпадает и другой эпизод: Джон Гант в «Томасе Вудстоке» обещает герцогине Глостер отомстить за ее мужа, а в «Ричарде II» он отказывает ей в поддержке. Версия о том, что «Ричард II» – продолжение «Томаса Вудстока», таким образом, отпадает.

Основным источником Шекспира при написании этой хроники был Холиншед. Однако не во всем. Некоторые детали, отсутствующие у Холиншеда, он заимствовал у других авторов.

Наибольший интерес представляет вопрос об отношении пьесы Шекспира к поэме его современника Сэмюэля Денъела «Гражданские

войны» (1595), где в стихотворной форме излагается история царствования и падения Ричарда II. У Шекспира и Денъела есть совершенно одинаковые отклонения от исторических источников. В частности, это касается образа королевы Изабеллы, жены Ричарда II. Во время изображаемых событий ей

было всего двенадцать лет. И Шекспир и Денъел изображают ее взрослой женщиной. Замечен также ряд других текстуальных совпадений. Возникает вопрос: кто у кого заимствовал – Шекспир у Денъела или Денъел у Шекспира?

Делиус, Грант Уайт, Кларк и Райт считали, что Денъел подражал Шекспиру. Найт и некоторые другие исследователи склонны были считать, что, наоборот. Шекспир воспользовался кое-чем из поэмы Денъела, и Довер Уилсон убедительно подкрепляет этот взгляд в своем предисловии к изданию «Ричарда II».

Накануне восстания Эссекса (1601) один из заговорщиков заказал труппе, в которой состоял Шекспир, поставить «Ричарда II», за что обещал актерам дополнительное вознаграждение в сорок шиллингов. Актеры пробовали отговориться тем, что пьеса устарела и едва ли привлечет публику, но, уступая настояниям заказчика, все же поставили ее. После неудачи восстания, во время следствия один из заговорщиков признался, что постановка «Ричарда II» имела целью «возбудить чувства народа изображением на сцене отречения одного из английских королей». Труппе Шекспира было предложено дать свои показания по этому поводу. Ответ держал актер Огастин Филипс. Его показания убедили следователей, что труппа была непричастна к заговору, и Филипса отпустили с миром.

Весь этот эпизод хорошо объясняет нам, почему в первых изданиях пьесы сцена низложения Ричарда II отсутствовала. Мнение, будто она написана позже, явно опровергается показаниями в следствии по делу о заговоре Эссекса. Совершенно очевидно, что сцена низложения Ричарда II существовала в рукописном тексте, по которому играли актеры.

Рассматривая историю создания «Ричарда II», необходимо отметить еще один очень важный факт. Известно, что в начале своей драматургической деятельности Шекспир испытал влияние корифея тогдашней драмы Кристофера Марло. О влиянии Марло мы можем говорить также и в связи с «Ричардом II». У Марло была историческая драма «Эдуард II». Ее сюжет и образ главного героя во многом сходны с тем, что мы видим в пьесе Шекспира.

Однако при несомненной близости этих двух произведений все же сравнение их показывает, что Шекспир здесь был гораздо более самостоятелен, чем, скажем, при создании «Генриха VI» и «Ричарда III». Это видно уже в стихе шекспировской пьесы, в значительной мере освободившемся от помпезности, свойственной стилю Марло. Стих у Шекспира легче, ближе к живой речи, хотя и сохраняет поэтическую образность, введением которой английская драма была в большой степени обязана Марло. Отличие от последнего проявляется у Шекспира и в более тонкой трактовке образа центрального героя. В особенности же творческая самостоятельность Шекспира проявилась в идейной концепции пьесы.

Для Марло тема «Эдуарда II» была связана с постоянно волновавшим его вопросом о правах личности. В отличие от Марло для Шекспира центральной является не проблема личности, а вопрос о судьбах государства. Именно это определяет композицию шекспировского «Ричарда II». Конечно, и вопрос о

личности короля имеет для Шекспира существенное значение, но эта проблема ставится Шекспиром совсем в ином плане, чем Марло.

558

С четкостью, не оставляющей места для недоговоренности, в «Ричарде II» поставлен вопрос, являются ли наследственное право и так называемое «божественное право» короля незыблемыми. Ричард II представлен в пьесе носителем феодального принципа «божественного» происхождения королевской власти. Он глубоко убежден, что его сан имеет своим источником санкцию самих небес. Ему представляется, что божественное право накладывает отпечаток на самую его личность и что человек и король в нем неразделимы. Мы слышим из его уст патетическую речь о божественности его королевского достоинства (III, 2). Принципы божественного происхождения королевской власти поддерживает и епископ Карлейль. Но епископ считает, что божественное право короля не исключает его определенных обязанностей по отношению к государству. Однако Ричард настолько упоен своей властью, что не считает необходимым заботиться о каких бы то ни было обязанностях. Своим могуществом он пользуется лишь для удовлетворения своих страстей и прихотей, нимало не заботясь о благе страны.

Поведение Ричарда II вызывает все большее недовольство в стране. Перечень его несправедливостей мы узнаем из беседы Росса, Уилоуби и Нортемберленда (II, 2, конец сцены): тяжелыми налогами он разорил общины, и новым, поборам нет конца; он проматывает и раздает государственные достояния; забирает в свою казну имущество опальных дворян; отдает государство на откуп своим фаворитам. Ричард II смотрит на страну как на свое личное владение. Старый вельможа Джон Гант с полным основанием говорит ему, что он ведет себя в государстве не как король, а как «помещик» (II, 1).

И действительно, Ричард II считает существенными только свое право и свою волю. Он живой носитель принципа, согласно которому в личности монарха сосредоточена вся сущность власти, ее начало и конец. Поэтому он и смотрит на государство лишь с точки зрения того, что он может извлечь из него для удовлетворения своих дорогих прихотей.

Этому взгляду Шекспир на протяжении пьесы противопоставляет другую точку зрения, выражающую политическую концепцию гуманизма. Согласно этой точке зрения, средоточием всего является не личность монарха, а государство. Соответственно этому королевская власть представляет собой не самоцель, а функцию, которая должна обеспечить благосостояние страны. Именно эту идею выражает старый Джон Гант. Шекспир идеализировал это историческое лицо. Подлинный Джон Гант был таким же феодалом, как и все остальные. Шекспиром он преобразен в благородного мудреца, высшей заботой которого является процветание государства. В его уста вложен полный патриотического пафоса монолог об Англии (II, 1), которая представляется ему чуть ли не райским островом, «вторым Эдемом», который мог бы процветать, – если бы ею не правил плохой король.

Принцип государственности утверждается Шекспиром с такой настойчивостью, что для большей ясности своего тезиса он вводит в действие пьесы сцену, в сущности, никак не связанную с сюжетом и имеющую откровенно дидактический характер. Мы имеем в виду сцену в саду Йорка (III, 4), где Шекспир выводит садовника, беседующего с двумя слугами. Их беседа представляет собой рассуждение о государстве, облеченное в форму аллегории. Садовник уподобляет государство саду, а короля – садовнику, который обязан заботиться о процветании сада, выпалывая ненужные растения, обрубая засохшие ветки и всячески ухаживая за полезными растениями. По мнению садовника, король Ричард дозволил паразитическим растениям расцвести

559

за счет полезных. Тем самым он нарушил свой долг, за что и понесет кару.

Ричард оказывается недостойным королем не только потому, что, пользуясь своим «божественным» правом, пренебрегал интересами государства, но также потому, что попрал и земные законы, на которых зиждется порядок в государстве. Он владеет своим королевским саном по праву наследства, но при этом наследственное право других он нисколько не уважает. Когда умирает Джон Гант, владения которого должны перейти его сыну Болингброку, Ричард II присваивает себе имущество своего подданного. Поправ закон наследования, он тем самым подрывает наследственное право вообще, в том числе и свое собственное, ибо закон в государстве должен быть один.

Всем ходом пьесы, логикой развивающихся в ней событий опровержение «божественного» права монарха подкрепляется обоснованием права на восстание против короля и свержение его с престола. Вопрос о том, имеют ли право подданные низлагать монарха, неоднократно рассматривается Шекспиром в его хрониках. Шекспир в принципе считал восстания ненужным нарушением порядка в государстве и осуждал мятежи, поднимаемые во имя частных интересов отдельных лиц или даже целых сословий. Именно с этой точки зрения Шекспир осуждает как восстание феодалов, так и крестьянский бунт в трилогии «Генрих VI». Но уже в «Ричарде III» утверждается право на восстание против короля. Однако при этом нужно иметь в виду, что Ричард III сам является узурпатором, захватчиком власти и кровавым тираном. В «Ричарде II» Шекспир признает право на восстание даже против короля, владеющего престолом законно, по наследству, но пользующегося своей властью во вред государству.

Такова политическая концепция, лежащая в основе пьесы. Надо сказать, что стремление утвердить определенный политический тезис во многом определяет художественный строй этого произведения. Ряд эпизодов драмы обладает откровенно иллюстративным характером, имея целью выразить посредством речей персонажей те или иные политические принципы.

Однако политические вопросы не заслоняют для Шекспира проблем нравственных и задачи создания живых образов участников политической

драмы, разыгрывающейся перед нами. Сравнивая «Ричарда II» с предшествующими хрониками, можно заметить, как углубляется мастерство Шекспира в изображении характеров.

Это заметно уже в наброске второстепенных фигур. Если в ранних хрониках подобные персонажи мало чем отличались друг от друга, то в «Ричарде II» Шекспир находит уже достаточно выразительные штрихи, чтобы придать каждой фигуре четкое отличие от других. Вот образы двух почтенных государственных деятелей – Джон Гант и епископ Карлейль. Оба они носители идеи государственности. И вместе с тем они различаются не только своим отношением к королю, которого Гант осуждает, а Карлейль поддерживает, но и характерами. В Джоне Ганте мы замечаем страстность, с которой он судит о государственных делах, а в епископе – спокойную рассудительность. Герцог Йоркский характеризуется миролюбивостью и благодушием, доходящими у него до слабости и нерешительности, когда дело идет о серьезных государственных делах. Герцог Омерль – верный слуга короля Ричарда II. Нортемберленд честлюбив и суров. Если фавориты Ричарда II – Буши, Бегот и Грин – не наделены чертами, позволяющими отличить одного от другого, то в данном случае это может быть сознательный художественный прием, аналогичный тому, который Шекспир впоследствии применил в

560

«Гамлете», изображая Розенкранца и Гильденстерна во всем похожими друг на друга.

Все эти участники разворачивающейся перед нами драмы служат, однако, лишь фоном для двух центральных фигур, конфликт между которыми составляет главное содержание пьесы. Это – Ричард II и Болингброк, будущий Генрих IV.

Ричарду II нельзя отказать в царственности. Она присуща его внешнему облику. Он красивый, обаятельный человек, даже внешне выделяющийся среди своего окружения. Ему присуще сознание своего высокого положения, которым он гордится и любит покрасоваться. Он хочет, чтобы все видели, что он и в самом деле король – человек, призванный повелевать другими.

Ричард II весь сосредоточен на своей личности, представляющей ему как бы центром всей жизни. Поэтому он очень любит говорить о себе, своих чувствах и настроениях. Он склонен поэтизировать себя и все свои переживания, о которых всегда говорит с большим вдохновением. И даже тогда, когда наступает время, требующее решительных действий, он предпочитает рассуждать о себе и своем трудном положении.

Он жадно ищет в жизни удовольствий и не знает удержу в роскоши мотовстве. Его при этом несколько не беспокоит то, что траты производятся им за счет средств, которые нужны государству. О королевских обязанностях он вспоминает лишь тогда, когда этого избежать уже нельзя. Да и то это всегда в большей или меньшей степени связано с какими-нибудь его личными интересами.

Этот изнеженный и сибаритствующий монарх, однако, совсем не безобиден. Он может быть жестоким и беспощадным. Если ему это нужно, он не остановится и перед преступлением.

Легко возбудимый, он очень неустойчив в своих чувствах и настроениях. Переходы от одного состояния к другому происходят в нем мгновенно. То он хитер и коварен, как тогда, когда судит Болингброка и Норфолка; то груб, как, например, у одра смертельно больного Джона Ганта; то появляется перед нами глубоко чувствительным человеком с тонким строем душевных переживаний. Но это последнее качество проявляется в нем только по отношению к самому себе.

Переменчивость, капризность, присущие Ричарду II, не ограничиваются только сферой его личной жизни и личных отношений. Эти качества он проявляет и как король. Будучи человеком в достаточной степени мужественным, он, однако, не способен действовать целеустремленно. Так, он затевает ирландский поход, тратит на это массу государственных средств и человеческих жизней, в то время как ему следовало бы позаботиться об упрочении своей власти внутри страны. С присущей ему беззаботностью он необдуманно назначает на время своего отсутствия правителем страны герцога Йорка, который по мягкости своей не способен оградить владения Ричарда II от грозящей им опасности. А когда его престол нуждается в защите, он, вернувшись из Ирландии, не прибегает сразу к решительным действиям, давая противнику возможность собрать все силы для удара против него, Ричарда II.

Все эти личные качества Шекспиром раскрываются для того, чтобы наглядно показать, что Ричард не способен быть королем и не достоин им быть.

Характер Болингброка во всех отношениях противоположен характеру Ричарда II. Если все качества короля являются, так сказать, внутренней Немезидой, с неизбежностью приводящей его к поражению,

561

то Болингброк – человек, успех которого обусловлен его волевым и целеустремленным характером.

Еще тогда, когда он предстает перед нами всего лишь одним из крупных баронов государства, в нем ощущается царственное чувство своего достоинства и смелая независимость суждений. Мы видим это в той настойчивости, с какой он требует наказания виновника убийства Глостера. Мы видим это в том мужестве, с каким он принимает приговор короля, осуждающего его на изгнание. И зрителю попятно, что, подчиняясь силе и власти, Болингброк тем не менее внутренне не смиряется.

Действительно, как только возникает возможность, он поднимает знамя борьбы против короля. Начинает он с защиты своих прав, отнятых у него Ричардом II, но постепенно Болингброк осознает, что он ведет борьбу не только за себя и свои интересы, но и за интересы государства в целом. В отличие от Ричарда II, который любит Англию лишь как нечто

принадлежащее лично ему, Болингброк любит свою страну независимо от того, какое положение он в ней занимает.

Умный и расчетливый политик, он умеет завоевать симпатии народа. Его поведение по отношению к другим крупным феодалам отличается тактичностью. Способный быть и суровым и мягким, он умеет управлять своими чувствами. Поэтому он проявит суровость по отношению к фаворитам короля, которых предаст казни, но будет достаточно осторожен с теми, кого ему нужно завоевать в качестве союзников для борьбы против Ричарда. Болингброк отнюдь не является альтруистом. Но он умеет сочетать борьбу за свои права со стремлениями других людей, оказывается способным выступать как представитель национальных интересов и именно в качестве такового противопоставлять себя откровенно эгоистичному Ричарду.

Болингброк в самом точном смысле слова политик. Он умеет рассчитывать обстоятельства, предвидеть события и вместе с тем проявляет способность направлять ход событий в сторону, выгодную для него и соответствующую стремлениям большинства окружающих его людей.

Таким образом, он обнаруживает качества, свидетельствующие о том, что он способен быть монархом, руководящимся интересами страны. Однако Болингброк далек от того, чтобы быть тем идеальным королем, которого Шекспир хотел бы видеть на троне.

Прежде всего уже одно то, что он приходит к власти посредством восстания и, сколь ни справедлива его борьба против Ричарда, все же является в конечном счете узурпатором, – это обстоятельство само по себе противоречит тому понятию государственности, которого придерживался Шекспир в период создания данной драмы. Захват власти Генрихом IV является нежелательным прецедентом, который может вызвать и у других честолюбивых баронов стремление завоевать корону. Такая власть является непрочной, а главное – опасной для государства, ибо если вправе захватить власть один, то утрачивается всякая возможность объявлять незаконной подобную попытку со стороны другого лица. В эпоху Шекспира это было вполне актуальной политической проблемой, и передовые слои общества, а в особенности народ, не хотели того, чтобы честолюбивые стремления представителей крупной знати ввергли страну в ужасы гражданской войны.

Но власть Генриха IV становится непрочной еще и потому, что новый король решает навсегда избавиться от опасности восстановления на престоле прежнего монарха. Хотя он уже обезвредил Ричарда II, но это кажется ему недостаточным, и тогда он затевает тайное

убийство свергнутого короля. Этой ненужной жестокостью Генрих IV пятнает не только свою личную честь, но и свое королевское достоинство. Точно так же, как началом всех бедствий Ричарда II явилось убийство Глостера, совершенное им для упрочения своей личной власти, так убийство Ричарда II,

осуществленное по приказу Генриха IV, является началом бедствий и смут, которые будут сотрясать его царствование.

В первых изданиях эта пьеса именовалась трагедией. Какие основания могут оправдать такое жанровое определение этого произведения? Несомненно, что трагичной является судьба Ричарда II. В подлинном соответствии с законами трагического он сам своим характером и поведением обусловил и потерю короны и свою гибель. Ричард II вызывает разные чувства у зрителя. Когда мы видим его как недостойного короля, наши симпатии оказываются на стороне тех, кто борется против него. Но когда Ричард свергнут с престола и становится узником нового короля, он вызывает к себе другое отношение. Из тирана он сам превращается в жертву. Со свойственной ему привычкой поэтизировать все он поэтизирует теперь свое страдание.

Личная трагедия Ричарда II, однако, не исчерпывает всего трагического содержания драмы. Как и в других хрониках Шекспира, главным субъектом трагедии является не тот или иной отдельный человек, а государство, несправедливо управляемое, не знающее мира и покоя, терзаемое борьбой интересов. И если вначале перед нами – государство, трагичность положения которого определяется тем, что существующая в нем власть не обеспечивает стране спокойного благосостояния, то в конце драмы государство оказывается в таком же положении. Уже первые шаги Генриха IV подрывают основы законности и общественной нравственности, предвещая новые бури и бедствия.

Финал драмы содержит в себе зародыши новых драм, и было совершенно естественно, что Шекспир продолжил работу над созданием пьес, в которых перед зрителем предстали картины дальнейшей истории Англии. «Ричард II» явился, таким образом, естественным началом цикла исторических драм, посвященных вопросам гражданского мира и внешних войн, власти и ее отношения к народу. Трактровка этого круга вопросов была продолжена в «Генрихе IV» и «Генрихе V».

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «РИЧАРДА II»

Стр. 409 Действующие лица. – Ричард II, родившийся в 1365 году и царствовавший с 1377 по 1399 год, был сыном Эдуарда, принца Уэльского (который прославился своими победами над французами и был прозван по цвету доспехов Черным Принцем; умер до смерти своего отца и потому не царствовал), и внуком Эдуарда III. Ричард II был лицемерным и трусливым тираном. В его царствование произошел ряд крупных народных восстаний, из которых главнейшее – восстание Уота Тайлера в 1381 году, в пьесе не нашедшее прямого отражения. Народное недовольство королем Шекспир упрощенно объясняет лишь грабительством группы откупщиков, королевских фаворитов.

Джон Гант (т. е. Гентский), герцог Ланкастерский (ум. в 1399 г.), и Эдмунд Ленгли, герцог Йоркский (ум. в 1402 г.), третий и четвертый сыновья

Эдуарда III, приходились дядями Ричарду II. Во время малолетства Ричарда II Джон Гант, стоявший во главе партии крупных

563

помещиков-феодалов, стремился к власти и оказывал огромное влияние на внутреннюю политику Англии. В 1399 году ему было всего лишь сорок восемь лет. Его сын Генри Херифорд был прозван Болингброком по месту своего рождения в замке Болингброк в Линкольншире. После своего воцарения он стал называться Генрихом IV.

Томас Маубрей, герцог Норфолк, был одним из крупнейших феодалов эпохи. По историческим данным, он вместе с Болингброком и Томасом Вудстоком, герцогом Глостерским (еще одним дядей Ричарда II, пятым сыном Эдуарда III), составил заговор с целью убийства Ричарда II. Но затем он выдал заговор королю, который поручил ему убить герцога Глостерского. Маубрей, однако, этого приказа не выполнил, и герцог Глостерский был убит по распоряжению короля наемными убийцами. Этим объясняются в пьесе слова Маубрея (1, 1) о том, что «он пренебрег своим долгом». Надо сказать, что причины и характер столкновения с Болингброком изображены у Шекспира весьма неясно, с явным расчетом на знакомство зрителей с некоторыми историческими фактами.

Весь образ королевы – плод фантазии Шекспира. На самом деле французской принцессе, второй жене Ричарда II, в 1399 году было десять лет. (Такие скороспелые браки, заключавшиеся ради политических целей и некоторое время остававшиеся фиктивными, вообще были в ту пору нередким явлением.)

Стр. 413 Залог (здесь и дальше) – брошенная перчатка.

Стр. 414 Нобль – старинная монета стоимостью от 5 до 6 шиллингов.

Стр. 415 Его я не убил; мой долг был сделать это... – Маубрей жалеет о том, что не он убил Глостера, повинного в смерти его брата.

Стр. 416 Ведь в этот месяц не пускают кровь. – В старых календарях указывалось, какие месяцы благоприятны и какие неблагоприятны для пускания крови.

Львы укрощают барсов. – На гербе Ричарда был изображен лев, на гербе Норфолка – барс.

Стр. 426 Раз мы отринули ваш долг пред нами... – Ричард уже не может налагать на изгнанников обязанности по отношению к самому себе.

Стр. 428 ...с вами я помчусь до рубежа земли – до берега моря.

Стр. 429 Что я ходил в поденщиках у скорби. – В подлиннике игра слов: journeyman значит и «поденщик» и «путешественник».

Стр. 432 Придется сдать в аренду королевство. – В последние годы царствования Ричарда II, как отмечено в хрониках Холиншеда, в народе ходили слухи, что государственные имения сданы в аренду любимцам короля. На этом построена в пьесе вся характеристика Ричарда – как разорителя страны, а Уилтшира, Буши, Бегота и Грина – как гнусных хищников.

Стр. 435 Я, вдохновленный свыше, как пророк... – Этот патриотический монолог Ганта пользовался огромной популярностью и уже в 1600 году был перепечатан отдельно в сборнике «Английский Парнас».

Стр. 436 О, мне сейчас так впору это имя! – Имя Gaunt созвучно слову gaunt – «худой», «изможденный».

Стр. 439 Керны – легко вооруженные ирландские воины.

...на острове, где гадов нет других. – Согласно легенде,

564

святой Патрик, обративший Ирландию в христианство, изгнал из нее всех ядовитых змей.

...расстройство брачных планов Болингброка. – Ричард II помешал браку изгнанного им Болингброка с дочерью герцога Беррийского, дяди французского короля.

Стр. 442 ...пожертвованья разные и бланки... – Под «пожертвованиями» подразумеваются дополнительные налоги по какому-нибудь особенному случаю. «Бланками» называли письменные обязательства – без обозначения суммы, которая вписывалась затем королевскими чиновниками по их усмотрению.

Стр. 446 Граф Вустер – Томас Перси, граф Вустер, брат герцога Нортемберлендского. Он появляется как действующее лицо «Генрихе IV», часть 1.

Стр. 454 Черный Принц – сын Эдуарда III, брат Йорка и дядя Болингброка.

Стр. 459 Глендаур (Оуэн) – один из уэльских князей, который после воцарения Болингброка поднял восстание за независимость Уэльса, притязая на титул принца Уэльского. Борьба короля с Глендауром изображена, между прочим, в «Генрихе IV», часть 1.

Стр. 463 ...гнуть лук из дважды гибельного тиса. – Дважды – потому, что тис сам по себе уже, считался ядовитым деревом.

Стр. 464 ...эта жалкая шепотка глины, что служит оболочкою костям. – Выражение это может иметь двоякий смысл: 1) могила, 2) брненное тело, созданное богом, согласно библейской легенде, из глины.

...припомним предания о смерти королей. – В Англии времен Шекспира были весьма популярны несколько сборников рассказов о падении и смерти великих людей.

Стр. 469 Смотрите, вот и сам король! – Первые шесть строк этой речи английские издания, на основании данных F и Q, обычно приписывают Болингброку. Но этот хвalebный тон в устах лица, ненавидящего Ричарда, крайне неправдоподобен. Наоборот, он вполне понятен в устах лояльного Йорка.

Стр. 472 ...спущусь, как Фаэтон, не удержавший буйных жеребцов. – В мифе о Фаэтоне, сыне Аполлона, бога солнца, рассказывается, что, выпросив у отца на один день его солнечную колесницу, он не справился с конями, которые понесли и разбили колесницу.

Стр. 474 Сыграем, государыня, в шары. – Игра в шары, состоявшая в том, чтобы попасть пущенным шаром в цель, была весьма популярна в Англии.

Стр. 479 Тронный зал в Уэстминстерском дворце. – В залах Уэстминстерского дворца уже в те времена происходили заседания парламента. В данной сцене слиты вместе два исторически различных заседания парламента двух различных созывов. Низложение Ричарда произошло 30 сентября 1399 года в парламенте, созванном им самим. Суд над Беготом состоялся 16 октября того же года в парламенте, созванном уже новым королем. Ни на том, ни на другом заседании сам Ричард не присутствовал.

Стр. 482 ...прославиться мечтаю я в этом мире, новом для меня. – Намек на молодость Фицуотера.

Стр. 483 Избави боже! Нет! – и далее. – По свидетельству Холиншеда, подобная речь была действительно произнесена епископов Карлейльским после отречения Ричарда и провозглашения Болингброка королем.

565

Стр. 494 Помфрет – замок в Йоркшире.

Тауэр (tower значит «башня») – старинная лондонская крепость по преданию сооруженная Юлием Цезарем. Первоначально она была резиденцией английских королей, но уже при Ричарде II была превращена в политическую тюрьму.

Стр. 501 ...беспутный сын – принц Гарри, молодость которой изображена в «Генрихе IV», части 1 и 2.

Стр. 505 «Король и Нищенка» – намек на народную балладу о короле Кофетуа и нищенке Зенелофон.

Стр. 506 Нет, от игры словами нас уволь. – Приведенное выше французское выражение помимо своего прямого смысла (просьбы о прощении) имело еще второй смысл: «увольте меня», и именно он был в Англии обычным.

Стр. 507 Вернейший братец – граф Эксетер, в пьесе не фигурирующий, один из участников заговора. Причем, «братцем» он назван иронически, так как Эксетер не брат, а шурин Ричарда II.

Аббат – уэстминстерский аббат.

Стр. 510 Я долго время проводил без пользы, зато и время провело меня. – Время (time), как нередко у Шекспира, имеет здесь широкий смысл: условия эпохи или момента.

Мы вместе стоим фартинг, не дороже. – Фартинг – грош. В подлиннике непереводаемая игра слов: перед этим конюх назвал Ричарда «королевским принцем» (royal prince). Но royal есть также название старинной монеты. Ричард хочет сказать: «я не стою сейчас и десятой доли рояла».

Стр. 512 Экстон поражает короля Ричарда. – В хрониках сообщается три версии относительно смерти Ричарда II: согласно одной – он уморил себя голодом, согласно другой – его уморили голодом по приказанию Болингброка, согласно третьей – он был убит Экстоном по приказанию того же Болингброка.

Стр. 514 Ричард Бордоский – титул, который Ричард носил еще будучи принцем, по месту своего рождения – в Бордо. (В XIV в. значительная часть Франции принадлежала англичанам, в том числе город Бордо.)

А. Смирнов

¹ Простите меня. (Франц.)